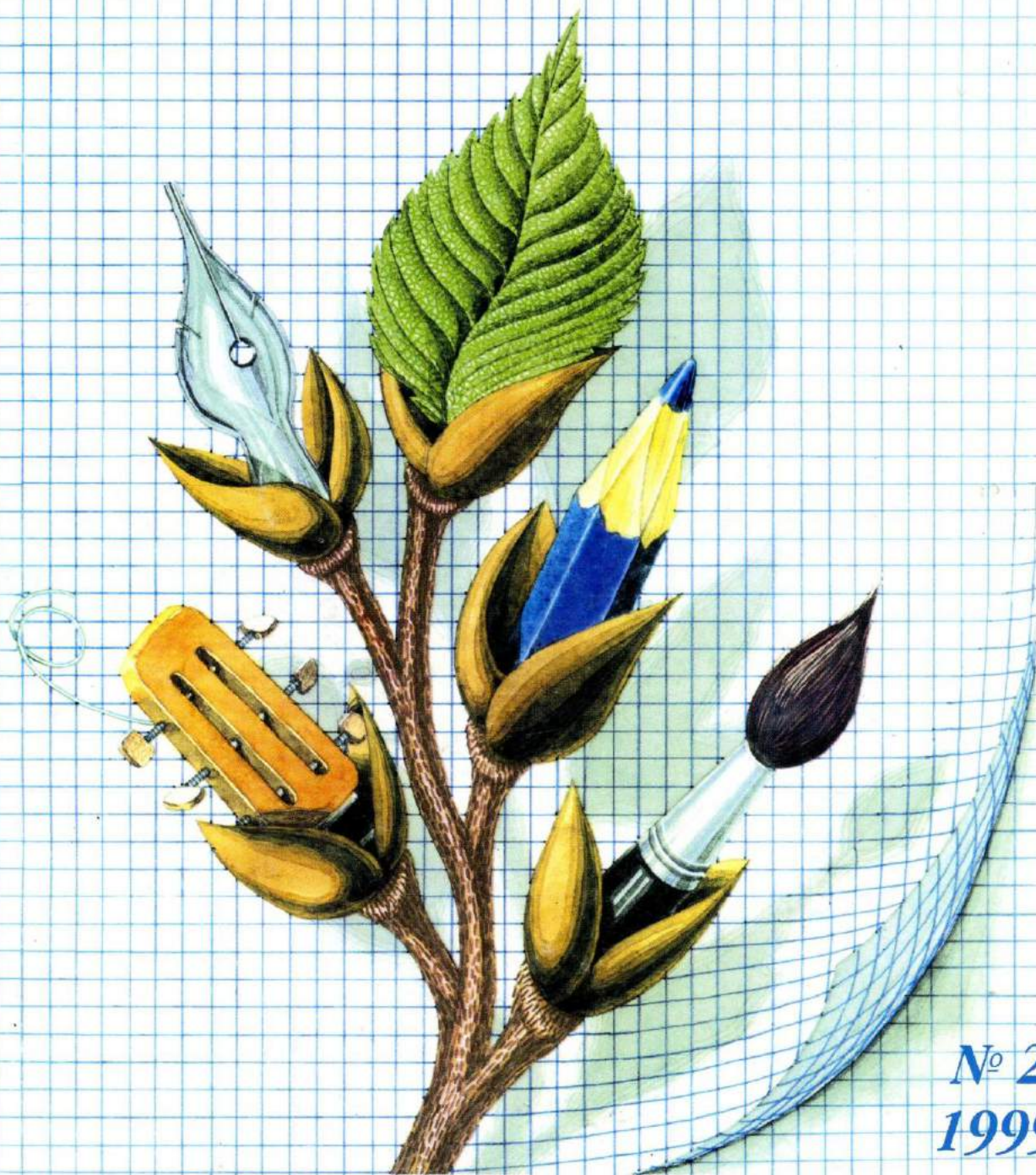

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 2
1999

Наталья Сысоева
"Байкальские цветы"

Наталья Сысоева
"Мартовский снег"

ПЕРВОЦВЕТ

№ 2

Литературно-художественный альманах для юношества

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, г.Иркутск, ул.Чехова,10

Учредитель

Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирской региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, рег. № И-0391 от 28 июля 1998 г.

Главный редактор

А. С. Стародубцева

Редколлегия

Л. М. Середкина

Е. А. Суворов

А. С. Попов

А. К. Лаптев

Л. В. Иоффе

С. Н. Элоян

Обложка

Сергея Элояна

Цветные иллюстрации

Н. Сысоевой

Компьютерный набор и верстка

Н. Н. Галкина

Адрес редакции

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93

Иркутск, 1998

Содержание

Р. Г. Присяжникова. Творческий портрет Наташи Сысоевой	4
--	---

Рифмы Первоцвета

А. Курганская	5
А. Иванов	5
И. Множинская	6
Е. Трифонова	6
М. Деменкова	7
Е. Шестопалова	7
Е. Мирошина	8
Ю. Вокина	8
Е. Ишимцева	9
Е. Федорова	10
М. Куликова	10
А. Сергеева	10

Пьедестал Первоцвета

А. Турханов. Мать и сын. <i>Рассказ</i>	11
А. Гусельникова. Сон. <i>Рассказ</i>	16
Ж. Райгородская. Доброе дело Никчемного Воина. <i>Фантастический рассказ</i>	18

Мастерская Первоцвета

Е. Суворов. Уехала. <i>Рассказ</i>	26
--	----

Сказочный мир Первоцвета

В. В. Астапенко. Сказка о Теплом Озере.	35
А. Емельянов. Сказки.	48

Малая родина Первоцвета

Г. Лидин. Я живу в России.	51
---------------------------------	----

Юность глазами Первоцвета

А. Акишин. Гурт. <i>Повесть</i>	52
--	----

Улыбки Первоцвета

А. Оськин. Перспектива. <i>Рассказ</i>	75
--	----

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАТАШИ СЫСОВОЙ

Присяжникова Регина Геннадьевна
УРГУ, искусствовед, 5 курс

Когда-то В. Д. Поленов сказал: "...искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит...". Сегодня в творческом плане продолжателем этих слов стала Сысоева Наталья Сергеевна. Избранные ею жанры пейзаж и натюрморт глубоко сложны и разнообразны в изображенном на холсте мире. Наталья Сергеевна считает, что: "Природа – это реальность и истина, но в том значении, которое раскрывает в ней художник". В каждом из своих пейзажей она находит все новую красоту и неисчерпаемость мотивов, бесценность того, чем она одаряет, волнует и окрыляет человека.

Глядя на ее картины, осознаешь, что природа сама по себе не грустна и не радостна. В них узнаешь реальную природу Иркутска или Подмосковья. Они точны, но отнюдь не перечислены. Что-то она опускает, что-то подчеркивает, заостряет внимание. Наталья Сергеевна пишет не виды природы, а создает картины, каждая из которых имеет свой образ, свой сюжет, свою тему. Характерные в подходе к ее живописи – объективность, четкость, конкретность. При всем художественном единстве, которого достигает художница в своих лучших работах, становятся выразителями общей гармонии мира.

Путешествуя по области, выезжая на творческие дачи, она значительно расширяет свой кругозор как художница, вдохновляется новыми образами. Увиденные ею простые пейзажи, запечатляют на холсте часть давно уже понятого мира природы. Но мир этот обогащается новыми глубокими раздумьями, философскими обобщениями и собственным жизненным опытом. Живопись для нее становится лирикой. Тончайшими колористическими нюансами она создает незабываемые в живописном отношении полотна. Сложность цвета, музыкальность ритмов, фактура мазка

глубоко и тонко раскрывает внутренний мир художницы. В каждом из своих пейзажей, натюрмортах она передает определенное настроение. В осенних мотивах благодаря золотой распылке красок чувствуется тонкий настрой грусти. В летних букетах цветов оптимистический характер и тонкий аромат лугов. Естественно просты в ее картинах натюрморты. Предметы, словно вышедшие из быта, становятся неопределенно красивыми и излучают свою материальность. Мягким тоном охвачены кувшины, блюда, бокалы. Металл начинает издавать мелодичный звон благодаря зеркальным рефлексам. Стекло иллюзорно списывается с пространством, передавая свою прозрачность.

По своему пониманию творчества, Сысоева Наталья требовательна к мастерству, и в отличие от заведенного мнения, что: "...художник – замкнутый человек...", она стремится к общению с людьми "Ведь творчество для людей". Отсюда ее потребность в педагогической деятельности. И не смотря на то, что она молода, удивляет ее желание отдавать накопившиеся знания новому поколению. Ведь художник должен оставить свой след не только в творчестве, но и в выученных им учениках. Тем самым она словно продолжает традицию В. Тетенькина и С. Казанцева.

Взгляд Натальи Сысоевой всегда прост и внимателен, она творит свою легенду, которую может принять или не принять любой человек. Но в противовес искусству бередящие раны она призывает их залечивать тишиной и покоем своих картин. Пытается увековечить то, что любит, во что верит и в чем лучше разбирается. Природу она понимает душой, которую отображает в своих картинах.

РИФМЫ ПЕРВОЦВЕТА

Анастасия Курганская

Учащаяся 6 класса средней школы пос. Дзержинск

Бобры и заяц

Б а с н я

Весенним теплым днем бобер
Плотину правил, смытую дождем.
Работая усердно с ночи до утра,
Трудилась вся бобриная семья.
Один бревно несет,
Другой его заточит,
А третий в воду ловко бросит.
Но вот на берег заяц прискакал,
Уселся, огляделся и сказал,
Что слишком суетно,
Что все не так, как надо,
И стал советы раздавать
Налево и направо:
"Ты это бревнышко левее положи,

А ты поправь другое,
Ты – больше веток принеси...
Давай, давай, маленько поспеши..."
Он так всем надоел,
Все от него устали,
И от работы проку – ни на грош.
Что ж пользы от его труда?
Чем больше говорит –
Тем больше всем вреда.
Бывает столько же вреда,
Когда
Невежда не в свои дела вpletется
И поправлять труды ученого
Возьмется.

Андрей Иванов

Учащийся 3 курса Иркутского государственного авиационного техникума

Я здесь.
Ты – там.
Я с ней.
Ты – с ним.
Да, думаем мы о другом.
Я – о нем.
Ты – о нем.

Нет, думаем мы о другом.
Я – о тебе.
Ты – обо мне.
Я губы целую ее.
Ты – его.
Но чувствую я не ее.
Ты – не его.

Ирина Множинская

Участник конференции "Молодость. Творчество. Современность" в 1998 г.

Успей окликнуть...

Снега нету еще, и мороз – не мороз,
Только иней лежит на висках у берез.

Только птицы тревожней поют по ночам.
Я теперь доверяю все тайны свечам.

Я теперь у любви все совета прошу,
Но как будто спасенья из ада ищю.

Кто захочет помочь? Отзовись поскорей!
Я уже нахожусь у последних дверей.

А оттуда назад не отыщешь пути...
Только ветер в ответ завывает в степи.

Скрипы ржавых колец и ключа поворот...
Неужель моя жизнь – это пыль у ворот?

* * *

У жизни нитка тонкая,
Не рви ее, не рви!
Весна – девчонка звонкая –
Споет мне о любви.
И соснами и елями
Меня приветит лес.
Зима войдет с метелями,
Мне передаст свой крест.

В короткой юбке летушко
Разломит каравай,
Подаст краюшку хлебушка,
Слезу смахнет: "Прощай!"
Лишь осень, осень робкая
В судьбу укажет путь.
У жизни нитка тонкая,
Но я хочу рискнуть!

Елена Трифонова

* * *

Я выйду, Господи, помоги,
На эту улицу,
Куда и ты навсегда уходил –
Так и запомнился.

Я стану, Господи, помоги.
Пойду вперед.
Как странно, помнится, и тогда
Хрустел ледок.

Как страшно, Господи, помоги,
Мела пурга.
Мой мир свернулся клубком, бежал
К его ногам.

Но надо, Господи, помоги,
Мне дальше жить.
Как будто не было той зимы.
Простить. Забыть.

* * *

Ты знаешь, как рушатся судьбы?
Нечаянно, издалека.
Звонка равнодушие липкое,
На трубке дрожащей рука.

Мгновенье хрустальное, хрупкое,
Зеркальный взгляд двойника.
В молчанье, как студень, зыбкое
Пузырьком упадет: "Пока..."

Маргарита Деменкова

*Учащаяся Иркутского государственного
института физической культуры*

Осень

Проснулась осень, осень золотая,
И ветер гонит листья не спеша.
Ах, до чего ж ты, осень дорогая,
Безудержно собою хороша!

Стоит рябина – гроздь опустила.
Она скучает – ждет своих гостей.
В объятия она б их заключила,
Но нет на горизонте снегирей.

Зиме еще не скоро быть на троне,
Еще не скоро птицы прилетят,
А осень золотая вся в разгоне.
Пускай рябины с нами постоят...

* * *

Я помню счастливое детство,
Я помню ребячьи глаза.
Мы жили тогда по соседству,
Гуляли – хоть снег, хоть гроза.
Любили играть мы во взрослых
И взрослые книжки читать,
И кучу наивных вопросов
Мы мамам могли задавать.
А годы летят незаметно.
Мы взрослыми стали уже,
Мы взрослыми стали конкретно,
Детьми мы остались в душе.
Другие теперь интересы,
Другие теперь имена,
А как бы хотелось всем сердцем
Вернуться обратно туда,
Обратно в счастливое детство,
Увидеть ребячьи глаза,
С кем жили тогда по соседству,
Гуляли – хоть снег, хоть гроза.

Екатерина Шестопалова

Кротость

Испив всю чашу горестей до дна,
Склонилась Гордость к мудрости сама.
Хор Серафимов, как далекий звон:
“Ужель и ты на радость обречен?”

Русская элегия

1

Необъятные поля
Молодой пшеницы.
Погружаюсь в небо я
Безымянной птицей.
Подо мной – леса, луга,
Океаны чувства.
Не вернусь я никогда
С песней вести грустной.

2

Свежим сеном пахнет ветер,
Даль лугов темна.
Из-за речки синеглазой
Выплыла луна.

3

Сок гранатовый заката
Мне на небе написал
Очертанья слов крылатых:
“Не забуду никогда”.

Елена Мирошина

Учащаяся 9 кл. школы № 77 г. Иркутска

Байкал

Я вспоминаю о Байкале,
Где гордо выступают скалы

И где нагретый солнцем берег
Вода хрустальная ласкает.

Байкал красив не только летом:
Зимой стоит во льды одетый,

А осенью, как на парад,
Наденет яркий свой наряд.

Весной под тонкой коркой льда,
Проснувшись, плещется вода.

Когда окова льда спадет,
Байкал проснется, оживет,

Вернутся птичьи голоса,
Опять заполнив все леса.

Закат алеет над волнами.
Бушуют волны на бегу.

Вспоминанья о Байкале
Я с детства в сердце берегу.

Юлия Вокина

Учащаяся лицея № 3 г. Иркутска

Осень

Лето тлеет на ладони,
Уплывает облаками.
Я окно свое открою:
Наступает осень. Знаю.
Знаю я ее характер,
С нею мы, наверно, схожи:
Загрущу я над судьбою,
Загрустит и осень тоже.
Кинет листьями в окошко,
Ветром колыхнет прохожих
И напомнит мне немножко,
Что в душе я осень тоже.
Может, ей тоскливо очень,
Что она одна такая,
Что она зовется ОСЕНЬ,
Грусть на город нагоняя?
Не печалься ты напрасно,
Что ты в серое одета,
Может быть, кому-то нужно
Погрустить о жизни этой,
Листья желтые ногами
Раскидать по белу свету,
Посмотреть на небо снизу,
Быть твоим теплом согретым?
Я нуждаюсь в этом тоже.
Хорошо, что есть ты, осень.
Все же мы с тобою схожи.
Может, даже очень, очень...

Екатерина Ишимцева

Екатерина Ишимцева родилась в 1977 г. В 1993 г. закончила Иркутский лицей № 47, поступила в Иркутское театральное училище на курс к Виталию Венгеру и Валентине Дуловой. Тогда же поступила на филологический факультет Иркутского университета. Уже через год прошла творческий конкурс в Московский литературный институт им. А.М. Горького и поступила на курс к Юрию Левитанскому. Одновременно успешно сдала экзамены в ВТУ им. Щепкина при Малом театре, где и учится сейчас под руководством народного артиста России Юрия Соломина.

* * *

Серый дождь во мне идет,
Серый дождь.
Отчего он – ты уже
Не поймешь.
Отвернись и редких капель
Не жди.
Я теперь умею прятать
Дожди.

* * *

Я покидаю детство осторожно,
С опаской трогаю ступени прошлых лет.
И все считаю: возвратиться можно,
И все не верю: возвращенья нет.

А куклы смотрят чуточку устало,
А сказки все печальней шелестят
И шепчут мне: “Принцессой ты не стала,
Твои глаза по-взрослому глядят”.

Мой принц сменил карету на машину,
Мой в джинсы превратился кринолин.
Но оживают по ночам картины,
Но спит в бутылке заточенный джин.

Я покидаю детство и не плачу,
Еще не знаю, что же впереди,
Еще не верю: станет все иначе,
А куклы говорят: “Не уходи...”

* * *

Я напишу тебе стихотворенье.
О том, что небо – это настроенье,
О том, что солнце – это притяженье,
А ты на них нисколько не похож.

Как не похож на камни и на стеклышки
Байкальские, на финистовы перышки,
На все, что с детства познано до доньшка,
И тем не мене – в мое сердце вхож.

Туда – сюда. Уйдешь или останешься?
Соленым ветром или солнцем станешь ли?
И даже стать Байкалом попытаешься
Или предательницей Ангарой?

Я все приму, что от тебя достанется.
Я не обижусь. Я не стану каяться.
Ты помни: все, что в сердце запускается,
Уже не называется игрой.

Елена Федорова

Учащаяся 9 класса школы № 7 г. Иркутска

* * *

Шумит возле берега море –
Священное море Байкал.
Приливом приветствует зори,
Ласкает подножия скал.

А там, на сплошном горизонте, –
Там горы в тумане плывут.
Вы эту природе не троньте.
Ведь это Байкалом зовут.

В нем все: и простор поднебесья,
Свобода раздольных морей,
В нем слышится грустная песня
Немых и холодных камней.

В нем тайна столетних историй,
В нем вечности бездна живет, –

Мария Куликова

Учащаяся 9 класса школы № 7 г. Иркутска

Сонет

Стальная пелена разорванных небес
Не знает ныне, что такое счастье.
Скитаясь по миру, зайдя в дремучий лес,
Кольшется от счастья к несчастью.

А что такое счастье? Как понять
Столь странную, таинственную силу?
Все переменится. Но как же нам узнать,
Какое чудо счастье породило?

Пройдут года. Столетия. С вышины
Мелькать нам наше счастье будет снова.
И сквозь завесу странной тишины
Видна нам будет счастья подкова.

Явилась счастья пламенная нить,
Чтоб этот грустный мир развеселить.

Не озеро это, а море,
Народ его морем зовет.

В нем щедрой духовная сила,
Загадка прозрачных глубин,
Богатство природного мира –
Байкал на планете один!

Элегия

Восходит солнце – дышит день.
Приходит ночь – и жизнь уходит.
Дрожит трепещущая тень,
Когда светило вновь восходит.

И день, и ночь – судьба моя:
То вдруг закаты, то рассветы,
И перед небом этим я
Молчу, смотрю и жду ответа.

Анна Сергеева

Учащаяся 9 класса школы № 7 г. Иркутска

Сонет

Любил я тихо и беспечно,
Свой идеал боготворил,
Но жизнь бежала быстротечно,
И я всего разок любил.

По-настоящему любил я,
Любил, как любит сам Господь,
И ей ни разу не сказал я
Наперекор словечко хоть.

Вот так прошел мой век счастливый,
Прошли отрадные года,
Гробокопатель хлопотливый
Идет ко мне, идет сюда.

Вот так прошли сей жизни годы.
Мне не видать былой свободы.

ПЬЕДЕСТАЛ ПЕРВОЦВЕТА

Александр Турханов

Победитель конференции "Молодость. Творчество. Современность" в 1998 г.

МАТЬ И СЫН

Р а с с к а з

Случай этот рассказал мне Лешка Персиков, рыжий курносый семнадцатилетний шалопай, любимец всех кошек и собак в округе. По привычке я бегло записал его в тетрадку. И забыл. Мне тогда было не до чужих историй. В то время я как раз сочинял повесть, сваливая в нее все то, что в голову взбредет. И Неведомое, одному мне открытое небо. И круглую луну, как вход в другой мир. И город, который не найти ни на одной карте мира, но в котором, однако, в одном из окон напротив звучит финал из шестой симфонии Чайковского... одним словом, — я писал фантастическую повесть.

Но вот, застряв на одной из улиц "своего" города, я решил выбраться из него и немного передохнуть. Перебирая свои новые и старые записи, я перечитал и Лешкину историю. От нечего делать решил обыграть ее словами.

Май выдался буйным радостным. Трепали город шумные ветра. Ночами колотил дождь по крышам, но по утрам тучи расходились. В парках и садах лежал зеленый ковер с желтыми веселыми искрами — цвели одуванчики. И вечера уже были прозрачны и душисты, ночи теплы и легки, как руки любимой девушки.

В одну из таких ночей Лешка решил прогуляться. Недалеко от дома было кладбище, и он пошел к нему. Все го-

родские кладбища, на которых уже давно никого не хоронят, имеют одну общую судьбу. Постепенно и незаметно они превращаются в места отдыха обывателей. Сидят бабульки на скамейках. Мамаши толкают впереди себя коляски. Малышня бегаёт вдоль оградок. И — хорошо!

Лешка не спеша шел по аллее. Вокруг него, — высокие тополя, в темноте кажущиеся тенями на фоне огромной гигантской стены. Тихо. И вдруг...

— Мужики! Ведьму поймал! Мужики! Смотрите, ведьма!

Лешка замер от неожиданности. Прислушался. Недалеко от него послышалась возня, крики, кто-то заговорил умоляющим голосом. Лешка осторожно пошел на голоса, пробираясь сквозь густые заросли кустарника.

— Я тут отошел немного, смотрю — на меня выползает, башкой трясет. Я чуть в штаны... Ха-ха-ха! — радовался все тот же голос.

Лешка осторожно раздвинул ветви. Луна выглянула из разорванной тучи. Осветила кладбище.

На небольшой полянке было пятеро. Четверо молодых парней, примерно одних с Лешкой лет, и маленькая худенькая старушка в белом платочке, в очках и в стареньком пальто. Они плакала.

Парни были безобразно пьяны. Рядом на столике около оградки побле-

скивали бутылки из под водки, пива, топорщилась скомканная газета.

– Я думаю – привидение! Глаза вытаращил, аж чуть в штаны не наложил... У-у!.. А если б уделался!

– Не-е, мужики, это не ведьма. Это – покойница.

– Во... из могилы вышла!

– Ха-ха-ха!

– Ой, боюсь! Щас она нас будет всех душисть!

Опять рассмеялись. Всем мысль о покойнице очень понравилась. Тормозились вокруг, вертелись, приседали от смеха, хлопая себя по коленкам.

– Сынки, сынки, – плакала старушка.

– Мужики, может мы спим, а? Может нам все это снится!

– Выпить надо!

– Ага, чтобы проснуться!

– Точно!

– Ха-ха-ха!

Самый вертлявый из них, маленький, стриженный, кинулся к бутылкам, схватил стаканы.

– Покойницу напоить!

– Ха-ха-ха!

– Чтоб ожила!

– Сыночки, – умоляла старушка.

– Пей, старая сука! – спокойно сказал высокий, очень крепкий на вид парень, все это время молча и с достоинством наблюдающий за сценой. Вокруг притихли. – Пей, а не то опять в могилу уйдешь, – улыбнулся он недобро. – По воле побродить захотела! Дрянь, падла! Пей!

Лешка шагнул на полянку. Остановился.

– Эй, вы, придурки! Бабку отпустите!

Этого никто не ожидал. Вертлявый дернулся в сторону. Громко заплакала старушка. “Так, так, – стучало у Лешки в голове. – Так, так.”

Некоторое время молчали, смотрели на него. Но постепенно испуг прохо-

дил. Зашевелились. Длинный первым пришел в себя, ухмыльнулся, залпом выпил.

– Еще покойничек? Что за ночка такая сегодня беспокойная. Полнолуние, что ли?

Вокруг рассмеялись облегченно. Длинный махнул стаканом в Лешкину сторону, протянул Вертлявому.

– Плесни, – и опять в Лешкину сторону. – Покойничек, выпить хочешь? Озяб, небось?

– Бабку отпусти!

– А пусть идет, – и он опять ухмыльнулся. – Что она нам, не наша невеста пока еще... нам рано. Может погода только разве, – и, закурив, спросил, – ты-то останешься?

Лешка молчал. Настраивал себя.

– Сыночки, миленькие, – умоляюще заговорила старушка.

– Пошла отсюда, – тихо сказал ей Длинный, но вдруг повернулся, заорал в лицо. – Пошла отсюда, сука! – И опять спокойно в Лешкину сторону: – Так останешься, нет ли? Или попросить тебя поуважительнее?

Его медленно стали обходить. Кто-то взял бутылку в руку, зазвенело разбитое стекло. “Не ушла еще бабка, не ушла еще далеко, – думал Лешка. – Скорей бы смылась, черт! Выждать, выждать!”

Он заговорил, заставив себя спокойно улыбнуться.

– Ну, попроси, отчего же не согласиться, когда вежливо просят. Только смотри, браток, а то шестерки твои опередят тебя, пораньше попросят, и не успеешь...

Кто-то дернулся в Лешкину сторону.

– Стоять! – осадил его Длинный. – А ты продолжай, браток, продолжай.

– Как бы не огорчить тебя боюсь. Вот что меня беспокоит.

– Да... смелый. Ну что ж, смелых люблю. Так выпьешь?

– Не хочу.

– Не хо-о-очешь? А что ж так?

– С козлами не пью! – бросил ему Лешка.

– Вот как! – удивился Длинный. – Обиделся, значит. За бабуленьку обиделся. Так мы ж, чудак человек, пошутить хотели. По-шу-тить. Понимаешь? А ты нас теперь за козлов держишь. Нехорошо так вот.

Ах, как нехорошо. Та-а-ак...

“Все! Пора!” – толкнулось в Лешке. Но его опередили. Он вдруг близко увидел чье-то бледное лицо, раскрытый рот, успел отскочить и тут же рухнул от боли, полоснувшей левую руку. Покатился по земле, напарываясь на удары. Вскочил, но его опять сбили, что-то острое скользом царапнуло спину. “Встать! – заорал себе Лешка. – Встать, сука!” Крик вытолкнул его наверх, ударом локтя он зацепил кого-то по виску, с силой кинулся в черную щель, побежал.

– Уйдет!

– Уйде-е-ет!!

Валилась в сторону луна, мелькали оградки, кусты, ветви, все ухало куда-то вниз, вверх...

– Сто-о-ой!!!

Лешка бросался в сторону... “Так, так, стучало в висках”. Дыхание за спиной вдруг тяжело повалилось на него. Лешку ухнул в сторону.

– И-и... – взвизгнуло рядом. “Напоролся! – осветился Лешка. – Длинный?” Но внезапно увидел его прямо перед собой. Яркой чертой блеснуло что-то перед глазами. “Нож... сволочь”. Лешка резко дернулся назад, сразу же вниз к мелькающим ногам и со страшной силой вверх под подбородок. Хрустнуло что-то над головой, бросило Лешку на колени, но он тут же вскочил, отпрыгнул, побежал. Стало легче, темное мелькание вокруг прекратилось. “Ушел? – не верилось ему. – Ушел?”

Бежал долго среди могил, деревьев, выскакивал на тропинки и, через несколько опять в черную сырость ветвей,

пока не наткнулся на чью-то оградку. Упал, ободрав щеку о камни. Затих.

Долго лежал не шевелясь. Ждал, пока успокоятся нервы, только тогда можно будет понять, что с ним. Отдохнув, попробовал пошевелиться. Левая рука не слушалась, жгло спину, боль ломала все лицо. “Ногу, наверное, вывихнул, – поморщился Лешка. – Вот, черт побери! Ну, ничего, живой и ладно, ерунда все это. Отлежусь”. С большим трудом вполз за оградку, прислонился к холодным прутьям решетки. Заморосил дождь, зашуршал в ветвях деревьев. Лешка закрыл глаза, пытаясь забыться, передохнуть. “Скоро светать будет, – думал он. – Выберусь как-нибудь”. Но вдруг резко вскинулся, услышав тихие шаги совсем рядом от себя. Застонал от боли.

– Господи! Кто здесь?

Лешка вздохнул облегченно, узнав в испуганном шепоте голос прежней старушки.

– Не пугайся, бабуль, я это.

– Кто?

– Да я это. Ты подойди поближе, не бойся.

Старушка подошла, все еще боязливо, но, узнав Лешку, обрадовано засуетилась вокруг него.

– Испугалась? – улыбнулся Лешка и поморщился. Саднили разбитые губы. – Все хорошо, мать, мы с тобой победители.

– Милый ты мой! – старушка близко наклонилась к нему, вгляделась. – Как же они тебя! – она сняла с головы платок, подержала его под дождем. – Протру тихонечко, легонько... вот так, вот так... – каждое прикосновение старушки обжигало Лешку, но он терпел, скрипел зубами.

– Все, мать, хватит, – вздохнул он, устав от боли. – Хватит. Само пройдет, успокоится вот только немного. Спасибо тебе.

– И хватит, – согласилась старушка, закивала головой и неожиданно за-

плакала. – Что ж они так... Ох, звери, звери! Что ж они так!

– Ладно тебе, бабуль, не плачь, слышишь?

– Не буду, не буду... Ох, дура старая... не буду, – всхлипывала бабушка. – И правда, разревелась... о-ох!

– Ты как меня нашла-то? – поинтересовался Лешка.

– Ну, как нашла... Я тогда побежала, когда ты с ними связываться стал. Выскочила на дорогу, думала, может, будет кто. Никого! Как же никого нет! Я бегала, бегала, кричать пробовала, думаю – убьют парнишку звери эти, – она вдруг хитро засмеялась. – Я к окошку одному подбежала, смотрю, – светится, а дотянуться не могу. Крикнула – не слышат, музыка там. Так я камешек подобрала, возьми и кинь, а оно как треснет... стекло-то. Я как испугалась! И на утек! Сроду стекло не била, а тут поди вот! На старости-то лет! Вот, думаю, ты и старуха!..

– Нахулиганила, значит, – улыбался Лешка, морщась.

– Ага, ага... Ну вот значит... Я опять сюда, подбегаю к воротцам, смотрю – они идут.

– Ты их видела? – вскинулся Лешка.

– Видела, зверей этих. Ох и люют, а? И чего не хватает!

– Мать, ну что? Дальше-то что? – подтолкнул ее Лешка.

– Что... выходят... – она заговорила шепотом. – Двое, значит, несут одного, я не разглядела кто это, да разве я их помню, так перепугалась тогда. Двое несут одного, а еще один за ними идет. За голову держится, спотыкается. Я за столбик заскочила-то сразу, чтоб не заметили, ну и разглядела тогда. Ушли они, ушли...

И она опять заплакала.

Лешка растерялся. Дотронулся до ее руки, погладил.

– Мать... ну что ты, не надо, не плачь, родная, не надо так. Все ж хорошо теперь... не надо.

– Что ж они, сынок! Ведьма, говорят, покойница. Ну, как же так можно-то. Ведь молодые ребятки совсем, – всхлипывала старушка.

– Козлы они, вот кто! – нахмурился Лешка. – Ладно, бабуль, ладно.

– Не буду, – она вздохнула, тыльной стороной маленькой худенькой ладошки вытерла глаза, опять вздохнула. – Не буду.

– Слушай, действительно, ты зачем так поздно на кладбище-то пошла? – спросил Лешка, но ему неловко стало продолжать, примолк.

Старушка заметила его смущение, улыбнулась.

– Ночую что ли здесь, ты подумал? Бродяжка что ли... Нет, сыночек, что ты... я здесь рядышком живу. Во-о-он там, через дорогу дом мой. Подальше туда немножко. Я там живу.

– Так мы с тобой соседи, мать! – воскликнул Лешка.

– Соседи, – кивнула головой старушка. – Соседи... Сынок у меня здесь лежит, сынок мой. Петя-то, муж мой, в другой могилке, в Радищево, а сыночек здесь вот... здесь мой мальчик. Как вот немоготу станет, я и приду к нему. Посижу немножко, глядишь и отпустит. Поговорю с ним, поплачу легонько, легче и станет.

– Сын у тебя здесь, – сказал Лешка тихо. – Вот что...

– Так вот его могилка-то. Мы с ним рядышком и сидим тут с тобой. Вот его могилка, родненького.

– Как его могилка? – изумился Лешка, привстав от неожиданности.

– Ну да, ну да, – закивала головой старушка. – Я тогда прибежала на то самое место, как вот ушли они. Думаю, может... грешным делом... ну, изувечили они тебя. Тебя нет. Я поискала кругом. Думаю, убежал все-таки маль-

чишечко-то. Вот и пошла к Олежке проведать. А ты здесь вот, так и нашла. Вместе вы тут, слава Господи!

– Надо же! – все удивлялся Лешка. – Чудеса!

– Ну, какие чудеса, – улыбнулась старушка.

Помолчали. Легко светало. Тени становились чуть ярче. Деревья, памятники, оградки вдруг показались Лешке словно нарисованными на темно-серой бумаге. Так тихо было вокруг. Сильно болела голова. Тошнило.

– Поздненьким Олежка у меня был, – продолжила рассказывать старушка. – Война была, не до того как-то, а потом и побаиваться стала, рожать-то. Надсаживалась на работе сильно, – мы ведь в войну из города в деревню приехали. Непривычно сразу. Но притерпелись. Так и остались, пока Олежка уж большой не стал, – она задумалась, смахнула капли с уже поблекшей фотографии. – Олежка... Тихим он у меня был мальчишечкой, ласковым. Болел вот только сильно. Слабенький. Видно все работе отдала, ему-то мало оставила. Семнадцать годочков и прожил всего. А он мне все маленьким снится. Будто ему... ну, лет пять. Приду сюда, поговорю с ним... мужчина. А возьмет и приснится маленьким. Я погрожу ему, – ты чего, мол, озорничает!.. А он смеется, целует, обнимает меня, а у самого слезки горошинками из глаз катятся. Скучаю, говорит, мамочка... Наревемся с ним вот так вот... Как же так получается-то! Я здесь маюсь, а они у меня так, родненькие, – она всхлипнула, но сдержалась, сняла очки. Посмотрела на Лешку близорукими глазами. Тихо дотронулась до его головы, погладила.

Лешка смутился. Вдруг захотелось зареветь во весь голос, пожаловаться – рука изболелась, спина горит, лицо, словно чужое, ногу вывихнул! Но скрепился, нахмурился.

– Больно, миленький? – спросила старушка.

– Ничего, мать, ничего. Заживет, – напрягаясь, он стал подниматься. – Давай-ка лучше выбираться как-нибудь. А то у меня там родные с ума сходят. А я еще появлюсь вот такой расписной.

Бабушка засуетилась вокруг Лешки. Помогать кинулась.

– Ты обопришь на меня-то... вот так... обопришь. Дойдем помаленьку, полегоньку.

Лешка почувствовал у себя под рукой худенькие плечи, но нечаянно дернулся от боли в ноге, с силой повалился на старушку. Она задрожала от напряжения, но выправилась, вздохнула.

– Тяжеленький ты мой какой.

– Держись, мать, держись, родная.

– И то... держусь, миленький. Пойдем остороженько.

Долго и медленно шли по кладбищу, холодному от хмурого рассвета. Покачивались ветви деревьев, сбрасывая им под ноги дождевые капли. Где-то недалеко в кустах боярышника запела зарянка, встречая скрытый за облаками серый рассвет.

Вот и вся история. Как выяснилось потом, Лешка ее придумал, желая позабавить меня и подразнить своим героизмом. А я благодарен ему за нее. Честно говоря, она мне ближе, родней и... таинственнее, чем то, что я нафантазировал в своей повести. Между прочим, она провалилась с треском. И Слава Богу!

Анна Гусельникова

Лауреат конференции "Молодость. Творчество. Современность" в 1998 г.

С О Н

Рассказ

Тропинка петляла между деревьями, она то терялась из вида, то появлялась снова. Слышался шелест падающих листьев. Они застилали все вокруг, словно природа хотела спрятать от людей остатки своего лесного богатства. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь полюбленные деревья, еще пытались согреть землю.

Оля медленно шла по тропинке и задумчиво смотрела по сторонам. Увидела большой, раскидистый куст рябины. Ягоды гроздьями свисали книзу, придавая рябине плачущий вид. Совсем рядом застучал дятел. Его дробь напоминала азбуку Морзе и эхом отзывалась по всему лесу. Дятел заметил, что за ним наблюдают, повертел своей маленькой головкой по сторонам и перелетел на другое дерево.

Тропинка повернула влево, и Оля увидела тот самый пенек. Для нее это был не просто пенек: маленькой девочкой она прибежала сюда, когда играла сама с собой, и представляла себя принцессой. Этот самый пенек служил ей тронem. Она еще раз взглянула на старый, трухлявый от времени пенек и, улыбнувшись своим детским воспоминаниям, хотела идти дальше, но вдруг

кто-то стал трясти ее за плечо. Она от неожиданности вздрогнула и открыла глаза. Окончательно проснувшись, увидела перед собой удивленное лицо мужа.

– Ну, ты и спать, – сказал он. – И про какой пенек ты говорила, что за странные сны тебе снятся?

Оля ничего не ответила и лишь недоуменно смотрела по сторонам и никак не хотела поверить, что это был всего лишь сон.

– Ты слушаешь меня? – Муж провел рукой перед ее лицом.

Оля хотела рассказать о своем сне, но решила, что он не поймет ее, и тихо роизнесла:

– Так жить больше нельзя.

– А что, собственно, тебе не нравится?

– Да я нет, я вообще...

Она хотела объяснить, но он перебил ее:

– Что значит "вообще"? Ты хотела квартиру – вот она! Мечтала о даче – построили! Скоро машину купим... Я не пойму, чего тебе не хватает?

– Просто я хотела сказать, что давно не ездила в свою деревню. Хотелось бы повидать подруг детства...

– Ну, знаешь, – он покачал головой. – Что на тебя сегодня нашло? Давай будем считать, что разговора не было, потому что ты говоришь сущую глупость. Чуть какая-то...

Когда муж вышел, Оля откинулась на подушки и закрыла глаза. Мысли в голове путались. О том, что муж не поймет ее, она знала, и не стоило говорить с ним, но так хотелось поделиться своими мыслями. И все-таки, как же так вышло, что жизнь закрутила своей паутиной с вечными заботами, и все, что когда-то было дорого для тебя, стало забытым и далеким. Сон заставил Ольгу оглянуться в прошлое, и воспоминания о деревне, о детстве захлестнули ее.

“Нет, нет, так дальше продолжаться не может, – думала она, – нужно обязательно съездить в родные места! Завтра! Нет, завтра не получится, тогда – в выходной. Нет, в выходные нужно на дачу...”

Она перебирала дни и представляла себя уже в дороге. Не стоит откладывать поездку, ведь сегодня у нее отгул, значит, все дела можно отложить в сторону.

Сейчас она приведет себя в порядок и объявит семье о своей поездке.

– Встала, – в комнату заглянул муж. – А то я подумал, не заболела ли? Это надо же такой бред нести: деревня, подруги, через пятнадцать-то лет! Ну да ладно, я не об этом хотел сказать. Дело в том, что я сегодня задержусь на работе, ты забери Павлика из садика.

– Ладно, – тихо ответила Оля, подумав, что до вечера еще уйма времени и она успеет съездить, ведь до деревни всего два часа езды.

– Да, чуть не забыл, звонили с работы и просили тебя зайти после обеда.

Дверь за мужем тихо закрылась, и Оля готова была разрыдаться от безвыходности. Стала успокаивать себя тем, что она все-таки вырвется в край своего детства, найдет кого-нибудь из своих знакомых...

Хлопнула входная дверь, и в квартире наступила тишина.

Оля по-прежнему сидела на постели и задумчиво смотрела на коврик под ногами. Ее мысли были далеко от этого пыльного города, со всей его еже часной, вечной суетой...

Жанна Райгородская

Участник конференции "Молодость. Творчество. Современность" в 1998 г.

Доброе дело Никчемного Воина

Фантастический рассказ

1

Восемь Перьев сидел у костра, наслаждаясь видом языков пламени. Оранжевый язычок съедал желтый, затем оба глотал кораллово-красный. Трубка в заскорузлой стариковской руке угасла, изо рта, постепенно уменьшаясь в размерах, свешивалась полоска сушеной оленины. Индеец жевал и думал.

Приподнялся полог и в шатер, бормоча ненужное, скользнул Никчемный Охотник. Не дожидаясь приглашения, красноносый растянулся на шкурах, и, моргая голубыми полупьяными глазами – ни в племени алу, ни у Крашеноголовых, ни у Летучих Ящеров не было синих глаз, жалобно застонал.

Тьфу, подумал жрец. Сказать, что в теле мужчины – довольно мощном, хоть и оплывающем – гнездилась душа женщины, значило обидеть жен племени алу.

Гость застонал снова. Восемь Перьев продолжал жевать. Духи похищали его мысли. Лучше б гостя похитили. Пятый год объедает людей, пришелец. И спаивает, скунс бесхвостый.

– Великий жрец... Святой отец...

– Кто тебе отец, повтори?!

– Извини, премудрый, я не хотел тебя обидеть... Но я в великой тоске... Я хочу умереть...

– Наконец-то!.. – съязвил Восемь Перьев. Но тут же затянул ремень своей

воли. Не будь жесток, кто бы ни пресмыкался перед тобой. – Прости, синеглазый. Но что заставляет тебя желать гибели?

– Еще спрашиваешь!.. – захныкал Никудышный Охотник. За пять лет плена он так и не понял, не пожелал понять – индейцы глубоко презирают нытиков. Так же, как пьяниц и лодырей. Однако, подумал жрец, в его мире воинов, похоже, ценили именно за никчемность. – Меня здесь все ненавидят! И знаешь, за что?..

– За что же? – проронил Восемь Перьев. Интересно, какую ложь наплетет. На правду Никчемный Воин – племя убедилось по опыту – был неспособен.

Гость, скрестив ноги, всем корпусом наклонился вперед. Огонь выхватил из сумерок его типично индейские черты: тяжелый почти гладкий подбородок, орлиный нос, чуть суженные глаза под тяжелыми веками. Правду сказать, людей с другими чертами Восемь Перьев и не видел.

– Жрец... Я открою тебе великую тайну!..

– Жду.

Как-никак Восемь Перьев был жрецом, и уж чего-чего, а великих тайн знал целую повозку. Большинство их на поверку оказались чушью, обманом, необходимым для его ремесла.

– Ты, кажется, собирался открыть мне тайну?

Гость понизил голос, словно думая колдовать.

– Я – ваш великий потомок!..

– Не порочь племя.

– Выслушай меня до конца, о жрец.

– Слушаю.

– Через двадцать пять лет племя алу истребят люди, похожие на меня.

Все ясно, подумал Восемь Перьев. Белая горячка. Чтоб сборище рохлей... Жрец до боли закусил губы, представив себе это воинство. Да они от первой стрелы...

Синеглазый уловил, как изменилось лицо жреца и заговорил с непривычной горячностью:

– Да, это сущая правда!.. Их будет много, в десять раз больше вашего. Воины без женщин. Рыжие, с белой кожей и волосами на подбородке. Глаза голубые, вроде моих. В руках палки, изрыгающие огонь. Пришельцы сотрут вас с лица земли. Останутся два-три места...

– Кто, ты сказал, останется?..

– Метисы... полукровки, рожденные женами алу от белых воинов. Я таковой.

Лодырь, пьяница и трус неожиданно смолк, глядя на рвущиеся вверх язычки огня. В лице его и голосе не было злорадства, хотя стерпеть в плену довелось изрядно. И Восемь Перьев, имевший полное право предать казни горе-пророка, задумался. Для выдумки слишком подробно. Слишком во вред себе. Вдруг да...

Воин алу один убьет двух врагов, трех, но никак не десять. И не все никудышные мужчины так бесхребетны, как этот. Есть среди них и злые...

– Знаешь подвесной мост через Рысью реку? – плачущим голосом продолжал Никчемный Охотник. – Если бы не он, воины Абрахамса не перешли бы реку. Не обнаружили вас. И я бы, бедный, несчастный, тогда не родился, – воин закрыл лицо руками и разрыдался.

– Ты предпочел бы небытие? – глухо спросил Восемь Перьев.

– Конечно, – всхлипывал мужчина. – Для белых чужой... Для алу чужой... Тебе, жрец, этого не понять... Ты стоцентный индеец...

– Преувеличиваешь, – продребезжал старик. – Допускаю – мерзкие твари, истребляющие людей, могли издеваться над тобой просто так. Ты был ходячим доказательством их грехов. Но алу... Поверь, ты заслужил наше презрение. Ибо ты не умеешь жить.

– Умею! Но не хочу! – в истерике возопил Никудышный Охотник – камень на шее племени. – Стану я ишачить на дикарей, которых все равно перебьют!..

Восемь Перьев едва не подавился последним сантиметром мясной полоски. Ах, вот... Дармоед нашел себе оправдание.

– Как-то по пьянке, – продолжал рыдать гость, – я разболтал о себе... О том, как враги закинули меня в ваше время... на машине, режущей века, как нож режет топленный жир... и о том, что вас ждет... Мне вообще не стало ходу... Вождь – и тот окрысился, безжалостный Гризли... Я хочу умереть! Что делать?

– Зарезаться. Повеситься. Утопиться. – На выбор посоветовал индеец. Народ его считал самоубийство скорее доблестью, чем грехом.

Живот старика начинал бурчать, требуя плотной еды. Скоро жалкое создание унесет свои мокасины?! Или низкие вопли да страшные байки были средством в сотый раз поесть чужой пеммикан?..

– Я боюсь боли, – очень тихо признался пришелец. – Боюсь петли, охватывающей горло, воды, заполняющей легкие... Ты мог бы, жрец, дать мне смерть без мучений?..

Восемь Перьев зажег табак в трубке, взял ее в рот и, с минуту пососав, произнес:

– Если рассказ твой – правда. Иди к Рысьей реке. Переруби канаты подвесного моста. Белые нас не найдут. Ты исчезнешь. И муки твои окончатся.

2

Стояла ночь. Ветерок шевелил ветви кленов и платанов. В иссиня-черном небе светилось серебристое полукружье луны.

Никудышный Охотник сидел на суаховом пне, грызя стебелек полыни. Он зло накручивал на руку прямые засаленные волосы, иногда выдирая их с корнями. Когда душевная боль становилась вконец нестерпимой, мужчина беспощадно кусал себя за правую кисть. Слезы закомплексованного невротика (ибо настоящий мужчина неспособен плакать, а он, Гарри Уэнт, ревет) медленно катились по обветренным щекам. Здесь, в лесу, можно было не играть роль добренького.

Господи, если ты есть!.. За что? ЗА ЧТО? Ведь не родился же он никудышным. Сперва была школа. Вечные издевки негров и белых. Родительское “если тебя ударили по правой щеке, подставь левую”. Английским языком говоря, хрястнули тебя в рожу, а ты белому господину ручки лижи, метис паршивый. Или черному. Лишь бы лупить умел.

Холуи вонючие – эти Джек Уэнт и Оул Мишенева. Страусы. Дебилы. Крепины. Удовлетворяли свою похоть, а он, сын, расплачивайся. Как только школу кончил, уму непостижимо.

Затем был исторический факультет. Поступил Гарри легко. Ум его оставался острым, но дух был сломлен. Последние остатки воли испарились. Ибо на что он годен, метис?.. Ему ясно – ни на что. Вообще, на кой хрен моржовый он, Гарри Уэнт, нужен этому злему, беспощадному миру? О-о-о...

Знакомые водили к психоаналитику. Тот построил козью морду, нашел у

Гарри склонность к гомосексуализму (что не имело и тени правдоподобия) и посоветовал разнообразить позы. Гарри разнообразил. Не помогло. Учиться он все равно не мог. Соображать соображал, а на усидчивость был неспособен. Не мог, и все. Так что колледж пришлось покинуть.

Уэнт стал работать в газете. Гарри понимал, что мозг его остался прежним, скорее даровитым, чем тупым. Почему же тогда он ни на что не годен?.. Метис? Чокнутый? Ха!.. Нет!.. Он, Гарри Уэнт – индейский воин, герой!.. Он им еще покажет...

И Гарри, преодолевая безволие, написал громадный репортаж о бесчинствах расистов в Су-Фолсе. Злосчастная статья так и не попала в печать. Зато ее герои схватили выскочку-метиса, избili, помочились в лицо (к этому Гарри было не привыкать) и зашвырнули в прошлое. К дикарям проклятым. О-о-о...

Если бы Гарри попал в племя алу более молодым, он, возможно, стал бы воином, охотником, мужчиной. Но попал он туда слишком поздно...

Сейчас ему осталось одно – покончить с собой и хоть чем-то помочь индейским народам.

Уэнт, шатаясь, встал с пня, положил руку на рукоятку охотничьего ножа и пошел к Рысьей реке. Ему было необходимо сорвать на ком-то свою злобу – ярость слабого. Растерзать насекомое, треснуть головой об стену котенка, так, чтоб мозги полетели. К чести Гарри, он никогда такого не делал, хотя представлял себе много раз. О-о-о...

Вот и Рысья река. Вода маслянисто поблескивала в свете луны. Мост, днем сухой, а сейчас, должно быть, тяжелый и волглый, тихо скрипя, покачивался на канатах.

Гарри стал на колени и начал рубить, словно канат был его кровным врагом. За школу вонючей жизни! За предательство родителей-страусов! За

подозрения в сумасшествии! В извращении! За все унижения! Там! И здесь! За пущенную под откос жизнь.

Гарри часто начинал задыхаться, и, матерясь, прекращал работу. Затем брался снова.

Первый канат лопнул, и мост, устремленно грохнув, повис под прямым углом. Теперь второй канат.

Уан! Ту! Фри! Фор! Файв! Сикс! Сэвэн!

Вэлл, хотел подумать Гарри. Готово. И не успел закончить мысль.

Тело его, лишенное сознания, рухнуло с крутого берега вниз, по дороге распадаясь на молекулы. И никто не узнал, что Гарри Уэнт, Никудышный Охотник, способен на подвиг. Ибо с этой секунды История пошла по другому руслу.

3

Восемь Перьев шел по лесу, иссохшему, как трут, в ожидании дождя. Кругом высились мощные стройные сосны, луч заходящего солнца играл в потеках смолы. Порхали разноцветные бабочки, перекликались птицы.

Старик пока не ощущал той едва ли не болезненной любви к природе, что появляется у человека в последний год жизни. По характеру жрец был почти равнодушен к создавшему его лесу. Даже в детстве деревья, животные, муравьи были для него не достойными почитания предками, а загадкой. “Смири свой ум! – твердили опытные люди “молодому волку”, охотнику, жрецу, старцу. – Ты – щепка на волнах жизни! Пока не смиришься, духи не услышат тебя!” И точно, духов не интересовала жизнь Восьми Перьев. Люди слушались его советов, и то хорошо. А с духами в Стране Духов поговорим.

Индеец становился возле огромного перенаселенного муравейника. Черно-рыжие муравьи сновали буквально друг по другу, так что не было заметно хвои-

нок. “Что они сделают дальше? – спросил себя жрец. – Затевают войну, как мы с Летучими Ящерами двадцать лет назад? Или ровной колонной пойдут завоевывать другой муравейник? У, рыжие... голубоглазые...”

Жрец ускорил шаги. Вот и Заветная Поляна. Посреди росла престарелая лиственница. На нижних обломанных ветвях (торчащих в разные стороны на высоте метров десять) висели медные украшения, ленты из кожи и замши – дары предков. Пониже из ствола торчали стрелы и дротики с такими же дарами, ожерелья из оленьих, волчьих и человеческих зубов обвивали дерево. Восемь Перьев снял с руки деревянный браслет, метнул. Браслет повис на голой веточке с обломанным концом. Жрец был еще ловок.

Индеец тяжело вздохнул. Предстояло солгать – вложить слова Никудышного Воина в уста Великого Духа. Иначе люди не поверят. Согласен ли только Великий Дух?

Старик приклонился спиной к коре Древа Жизни, сцепил сухие руки сзади на стволе и закрыл глаза.

“О духи! Мост обрушен. Синеглазый пропал. Как вы объясните это?”

Откуда-то, из воздушной пустоты (или из собственного сердца?) в голову, сгустившись, пришел ответ:

“Синеглазый говорил правду”.

“Как быть?”

“Возьми нож, две доски. Напиши послание Летучим Ящерам и Крашеноголовым. Пусть белые не найдут моста, не тронут племени алу. Но соседи? За что им смерть от молнии, а их женам и детям – рабство у злобных пьянчуг?”

“Кто говорит со мной?”

“Великий Дух. Не смирай гордыню свою, о жрец. Я не белый завоеватель. Мне рабы не нужны. Прощай. Только не забудь...”

– А-а-а!.. Восемь Перьев, беги!

– Что такое? – очнулся жрец. Прямо на него, размахивая томагавком, нес-

ся Острый Клинок – крупный детина, достойный охотник и воин, отец четверых детей. На спине подпрыгивали лук и колчан. Восемь Перьев не двинулся с места. В двух шагах от него Острый Клинок остановился. Его замшевая блуза была прожжена на левой руке и на груди, пониже ключиц. В обеих дырах виднелось обожженное мясо. Истина выдавила холодный пот.

– Белые?! С огненными палками, да?

– Один... но с огнем... я крикнул, он обжег меня... я – стрелой, промахнулся... он опять... Задел меня, попал в сосну.

– Сосна упала?..

– Нет... но там был потек смолы.

Верховой пожар.

– Куда идет?

– К становищу.

Два человека мчались к поселку. Ветерок стих. Солнце то пряталось за черные тучи, то выглядывало опять. Шла гроза.

В священном лесу бушевал верховой пожар. Посвященные в тайну индейцы забыли о белых. Женщины, схватив детей, бежали к Рысьей реке, воины, пока не поздно, рубили просеку. Особенно рьяно махал топором вождь, Пляшущий Гризли, лучший охотник племени, ростом более четырех локтей. Его мощным мускулам редко выпадала подобная работка. Бразды правления Пляшущий Гризли отдал жрецу, ибо Восемь Перьев был довольно находчив.

Пожар несся по деревьям с неслыханной скоростью. Но не забыл Великий Дух о людях своих. Тучи собрались и закрыли серо-черной пеленой голубое небо. Дровосеки с надеждой вслушивались в громовые раскаты. Одна за другой раскалывали небо ветвистые молнии.

Наконец хлынул дождь. Ливень. Он обрушился сразу, вмиг. Огонь шипел и дымил, но прятался, погибал. А то, чего не сделал Великий Дух, довершили

воины алу. Верховой пожар был потушен.

4

В 1667 году отряд придурка Абрахамса, огнем и мечом прорубая дорогу вниз по течению Рысьей реки, угодил в засаду краснокожих. Оружие, на фиг, досталось козлам – Великому Гризли и прочей мрази. Государство, блин, состряпали.

Белые рабы – бродяги, инакомыслящие, должники, ну и урки, конечно, охотно драпали к дикарям. И нигеры, разумеется. Как же без них. Английские поселенцы – лучшие мужики в мире, если, конечно, пошевелить мозгой – остались без всякой поддержки, одни против всех.

Бамц – война с метрополией! Краснокожие суки – томагавк в спину, предатели хреновы. А тут еще негры под зад пинанули, русские, так их мать, Аляску оттяпали, испанцы с головешками прут, костры палить норовят, протестантское мясо жарить. Триста лет как жизни нет, а язычники паршивые жируют. Оружие у них, по слухам, особенное. Сами сконструировали, да и беглые рабы, где могли, помогли. Не полезешь.

А теперь что?.. Обрато за океан?..

И, главное, из-за чего?..

А все из-за того, что какой-то метис вонючий, Нострадамус затраханый, крышесдвинутый хронопровалец разболтал дикарям, что к чему. Кастрировать, наверное, пригрозили. Расколосся, козел. Еще и бластер, по слухам, краснокожим подарил. На добрую дорогую память.

Майору хроноразведки Старвэсту и лейтенанту Пигсвайну командование поручило погрузиться в прошлое и отловить вредителя-пророка. Спасти тем самым гибнущее англосаксонское величие Нового Света.

Но в XVII веке лейтенант Пигсвайн с разрешения майора отправился по-

стрелять и пропал из виду. Через пятнадцать минут верхушки кленов, платанов, сосен и лиственниц стал пожирать летящий огненный смерч...

5

Майор Гэролд Аннибал Старвэст лежал у кромки воды. Башка трещала. Холодные волны плескались у самых ушей, и, накатываясь, били в лоб. Было больно. Старвэст полусознательно окунул пылающий, налитый свинцом череп в воду. Боль вроде отпустила. Суровая холодная вода леденила кожу. Эдак долго не проваляешься, понял он и, напрягши волю, встал, кряхтя и покачиваясь, на колени.

Пожар отбушевал, прекратился, но едкий серый дым еще разъедал глаза. Черные скелеты деревьев вокруг. Нетронутая огнем мокрая зеленая травка. Пауки – как только уцелели? – успешно и суетливо тянут новые липкие нити от молодого ствола к старому, от старого к кусту ежевики...

Старвэст нащупал бластер. Семь зарядов. Взглянул на стоявший поодаль, а ныне опрокинутый и приделанный деревом хроноскоп. Ничего. Разберемся по-свойски, так твою мать.

– Сэ-э-эм!..

– Козел трахнутый, – раздался слабый голос из-за деревьев. Бредит, что ли?.. В сознании не посмел бы...

Старвэст присел и заученной крадущейся боевой походкой пошел на голос. На небольшой поляне, с трех сторон поросшей высоченной осокой и камышом (болото, что ли?) лежал навзничь лейтенант Сэм Пигсвайн. Лицо его было залито кровью, запачкано копотью, к щеке пристала рыжеватая прядь, шкиперская бородка опалена, пятнистая зеленая форма хаки прожжена во многих местах... Жив?.. Мертв?.. Старвэст не мог сразу сообразить. Должно быть, их обоих контузило – Сэма побольше, его поменьше. Одно

странно – при Сэме не было бластера. Осока раздвинулась и на поляну, на ходу выплевывая стебелек, выбрался невысокий и сухонький, удивительно шустрый для индейца старик. Его слегка поблекшее кирпично-пергаментное лицо время беспощадно избороздило морщинами, на голове красовался убор из восьми бело-коричневых перьев совы – убор вождя или колдуна, ведь каждое перо обозначало заслугу. С плеч старика спадал слегка подмоченный, испачканный углем плащ из меха рыси. Помедлив, индеец развел в стороны безоружные руки.

Каз-зел!.. Если сейчас, в натуре, майор Старвэст не опустит краснозадого (в переносном смысле, конечно, он же не какой-нибудь извращенец, блин!), не заставит жрать землю, то не быть белому человеку владыкой заокеанского контингента. Старвэст мог, конечно, лизать зады, но с безоружным драным дикарем нечего было корчить интеллигентного пидера, на фиг. Нормальному мужчине и контузия в кайф. Сразу все представляется в истинном свете, блин.

Но если попросту, по-европейски, пнуть под дых или ниже – вывернется, примитивная тварь. Индейцы – те добра не понимают. Поди, ножом в спину ткнет, дегенерат эдакий. Надо, чтобы обожествил белого господина. Чтоб сапоги лизал, сука. И тащился при этом.

Старвэст выхватил бластер и с мужицким истерическим матом белого крышесдвинутого самца, блин-на фиг, пальнул под ноги дикарю. Индеец не тронулся с места – он искренне презирал смерть, хотя у самых его мокасин блеснул рыжий сполох огня и взметнулся серый фонтанчик засохшей почвы. Охренел, блин, маленько. Как же иначе. Дикарь. Шестерка, в натуре.

– Э, ..., ты, ...! ...Встань-ка на четвереньки, ...!

Эх, подвела привычка. Сидящий в осоке юноша Желтый лист, которого покойный Гарри Уэнт от нечего делать

научил английскому мату, не выдержав оскорблений, обращенных к почтенному жрецу, спустил тетиву.

Просвистев в воздухе, искусно оперенная стрела как бы ненароком вонзилась в широкую грудь пришельца.

Что за на фиг?! Засада, блин, с живцом и подстраховкой?.. Кой хрен?! Кой хрен собачий тот козел корчил голубого козла...

Великий дух погасил разум белого воина. Напряженная, скрюченная ненавистью рука еще рассыпала заряды, хлестала воздух жгучим лучом, но тело Гэролда Аннибала Старвэста неумолимо кренилось вниз и назад. И наконец свалилось на землю. Сэм Пигсвайн был к тому времени уже мертв. Парень задохнулся в дыму лесного пожара, зажатого им самим.

6

Били барабаны из рысьих шкур. Свирители глиняные и костяные флейты. Заливались бубенчики. Желтый Лист – юноша очень недурно пел – возглашал хвалу мудрому старейшине.

Восемь Перьев стоял посредине главной площади в полном облачении – замшевый костюм с бахромой, корона из перьев, рысий плащ на узких мускулистых плечах – и курил неизменную трубку. Молчаливые охотники, шумящие женщины толпой обступили площадь. Дети исподтишка толкали друг друга. Ждали зрелища.

Пляшущий Гризли подошел к старику. Тридцатипятилетний вождь не смотрел на женщин, хотя для этого пришлось собрать в кулак всю волю и выдержку. Длинные, до пояса, волосы гиганта, распущенные по случаю мира, надежно скрывали спрятанные за спиной руки и то, что в них.

– В какой руке? – спросил Пляшущий Гризли.

Жрец хитровато прищурился. Многие тайны были ведомы ему, но не эта.

– В старшей.

– Рано, великий жрец.

Восемь Перьев пожал плечами.

– В помощнице.

Вождь бросил к ногам старика завоеванный бластер. Старейшина покачал головой.

– Нет. Мое дело, отважный воин, живая плоть, живой дух, а не то, что склепано бледнолицыми, знающими, тупыми, сильными и трусливыми... Есть в племени человек гораздо более сведущий. Соколиный Глаз, возьми мою трубку.

Соколиный Глаз, ремесленник, с одинаковой сноровкой мастерающий топоры, луки и волокуши, глаза которого, правда, были не столь уж зоркими к сорока-то годам, приблизился к жрецу и, почтительно наклонив редковолосую голову, стянутую желто-коричнево-ромбоватой ленточкой из кожи гремучей змеи, взял в руку бластер и затянулся табаком из трубки старейшины.

– Тебе поручает племя разгадать загадку оружия белых.

Мастер кивнул и, не проронив ни слова, пошел к остальным. Он не любил быть в центре внимания.

– В какой руке? – снова осведомился Пляшущий Гризли.

– В старшей, если, конечно, ты не переложил.

Вождь протянул жрецу белое совиное перо, длинное и широкое, с красивыми волнистыми краями.

– Восемь перьев венчают твою мудрую голову, жрец. Каждое из них – память о добром деле. Сейчас ты совершил девятое доброе дело. Возьми же!..

Лицо индейского жреца осталось непроницаемым.

– Огниво при тебе, о вождь? Разведи огонь.

И пока Гризли выбивал искру над трuтом, Восемь Перьев заговорил:

– Да, в спасении священного леса и в победе над белыми есть мой вклад. Но

был на Земле Людей воин, отдавший за это жизнь. Никто, и я в том числе, не считал его воином. Издевки, подачки были его уделом. Но кто его сделал таким? Чужаки, злые, бездушные, наглые. Вы видели только двоих, а Синеглазый знал многих. С детства его учили подлизываться к ним, чтобы спасти свою шкуру. И все-таки в глубине души Синеглазого, там, где никто не мог видеть, скрывался индеец. В конце концов этот индеец совершил подвиг. Подвиг, стоявший ему жизни. Синеглазому.

Так пусть в Стране Духов голову Синеглазого венчает хотя бы одно перо! Может быть, — Восемь Перьев смущенно понизил голос. — Может быть, тогда погибший простит нас.

С минуту племя молчало. Наконец жрец сказал:

— Подай огонь, Пляшущий Гризли.

Старик поднес горящую ветку к верхнему, волнисто-закругленному концу пера. В воздухе запахло паленым и в голубое небо прозрачнотающей сероватой змейкой поднялась струйка дыма.

7

Когда через пять зим старый жрец отправился в Страну Духов, на его белой, как лунь, голове красовалось двенадцать перьев. А еще через двадцать лет... Но об этом в другой раз, а то оленья стынет.

МАСТЕРСКАЯ ПЕРВОЦВЕТА

Евгений Суворов

УЕХАЛА

Рассказ

Она училась в пятом классе, а я – в седьмом.

После звукового кино, которое показывали в длинном коридоре семилетней школы, я спрятался в одном из классов – намеревался переночевать на полу возле голландской печи, только что протопленной, а утром, отучившись, идти за пять километров в свою деревню. Я услышал громкие шаги директора, залез под одну из парт и перестал дышать, когда открылись высокие, узкие двери, и Павел Филиппович с электрическим фонариком быстро прошел между рядами. Проверив, хорошо ли закрыта голландка, он вдруг скомандовал:

– А ну, вылезай!

Я не шевельнулся, надеясь, что он не видит меня и скомандовал просто так, на всякий случай.

Павел Филиппович безошибочно посветил под мою парту, и я вылез. Представил, как поскрипывая снегом, иду ночью за пять километров, и на поле, где нет около дороги ни одного дерева, встречаюсь с волками...

При свете фонарика спустились с широкого крыльца. Павел Филиппович взял меня за локоть, подтолкнул на глубокую в снегу тропинку, которая вела к директорскому дому, одиноко стоявшему на краю оврага. Я шел и никак не мог отвязаться от одной и той же мысли: хорошо ли это, что буду ночевать у Карагодиных? Может, кинуться вдоль оврага к небольшому лесу, мимо которого шла дорога в нашу деревню? Волков-то, скорее всего, не будет, – за две

зимы я только раз видел темно-красный скелет лошади сразу же за воротами поскотины, да еще рассказывали, как волки гнались за стариком-почтальоном. Мухориха неожиданной резвостью спасла и себя, и почтальона... Все долго восхищались неказистой лошадкой и посмеивались над стариком, который перед самой деревней на повороте вывалился из кошевы, но вожжей из рук не выпустил.

Павел Филиппович, конечно, знал, что сейчас самое время волчьих свадеб, ходить одному даже днем опасно, и он предупредил:

– Если убежишь, – исключу из школы.

Я подчинился. Сделал это не потому, что волков боялся, – Павел Филиппович закончил артиллерийское училище, и после тяжелого ранения под Сталинградом вернулся домой. Учителем он никогда не был, но его сразу же поставили директором школы и преподавателем математики – задачи решал он мгновенно. Восхищались мы еще и тем, что даже в сильные морозы, когда идешь и дышишь в рукав телогрейки, когда завязанные под подбородком тесемки смерзаются и делаются как проволочные, – Павел Филиппович только изредка перебросит шапку со звездой с одного уха на другое, шагает по улице в тон сапогах, в шинели, как будто нет никакого мороза!

Однажды утром, когда до школы оставалось не больше километра, мы перед болотом развязали тесемки, подняли уши и гуськом по тропе – кто на

лыжах, держа палки под мышками, кто без лыж – запрыгали между высоких обледенелых кочек смотр, чтобы никто не притрагивался к ушам, – можно было только перебросить шапку с одного уха на другое, как это делал Павел Филиппович! Болото кончилось, школа за березовой рощей, теперь – стой, посмотрим, кто закаленнее! Раздался почти одновременный стон: у троих, в том числе у меня, уши негнулись!

Поддели на валенки побольше снега, и весь урок этим снегом оттирали побелевшие раковины...

От урока к уроку уши делались все толще и тяжелее...

Павел Филиппович, узнав, что мы обморозились, поставил нам по пятерке.

Охотников получить таким образом пятерку по его предмету больше не находилось.

В директорском доме ярко светились окна, и я вспомнил: в прошлом году жена директора Зоя Сергеевна давала мне читать “Анну Каренину”. Павел Филиппович был против, но Зоя Сергеевна, наша русачка, взяла мою сторону. Она тоже хотела выбрать что-нибудь полегче, но я вцепился взглядом, а потом и сам не заметил, как схватил книгу потолще и ни за что не хотел выпустить ее из рук. В этой книге мне нравилось все: и толщина, и обложка из темно-синей материи, и само название – “Анна Каренина”...

Павел Филиппович приоткрыл длинные ворота, и я первым прошел в ограду. В конуре зазвенела цепью собака, но лаять не стала. Сени были новые, достраивались, когда шел снег. Даже в темноте пахло сосной.

В прихожей, которая одновременно служила кухней, горели две лампы. Одна, с зеленым металлическим абажуром, висела под потолком, другая, без абажура, с десятилинейным стеклом, стояла на столе – Зоя Сергеевна проверяла тетради. Она с удивлением взглянула на меня, приподнялась, поправляя корот-

кие светлые волосы, показывая глубокие ямочки на пухловатых, белых щеках. В школе я этих ямочек у нее не видел...

– Раздевайся, – сказал Павел Филиппович таким тоном, как будто собрался меня наказывать.

Зоя Сергеевна, все еще не закрывая синей тетради и не расставаясь с толстой деревянной ручкой, осевшим голосом подбодрила меня:

– Проходи, Денисов, – будь как дома!

На высокую вешалку, поблескивающую красными стеклянными шармами, я повесил шапку, потом – телогрейку, которой не переставал гордиться: была она новенькая, черная и, что самое главное, с воротником! Вот только сумка подкачала: мне сшили ее из грубого домашнего полотна и выкрасили не настоящей краской, как штаны и рубаху, а луком – заодно с пасхальными яйцами... Валенки были старые, но выглядели лучше новых. Снимая их с плиты или с русской печи, я каждое утро с одинаковым восторгом трогал толстые прошитые потники, которым, казалось не будет износу.

Постояв для вежливости возле порога, я сел поближе к Зое Сергеевне. Она знала, что один и тот же фильм я смотрю несколько раз, то есть хожу в соседние деревни вслед за кинопередвижкой, и, кажется, была единственным человеком, не осуждающим меня за это.

Зоя Сергеевна унесла тетради, и я вдруг почувствовал, что кто-то на меня смотрит из неосвещенной комнаты, дверей в которую не было. Я оглянулся – в темной глубине комнаты блеснул чей-то взгляд.

Вернулась Зоя Сергеевна. Яркие цветы на халате сразу же напомнили о лете. Зоя Сергеевна жила раньше в Москве, и я не удивлялся ни разноцветному халату, ни золотым коронкам, которые вспыхивали у нее во рту двумя ма-

ленькими солнцами. Вся школа гордилась, что наша русачка – из Москвы. По этой причине и Павел Филиппович делался интереснее – ведь она вышла за него замуж! И я с сожалением подумал, что я совсем чужой для Зои Сергеевны, не довожусь ей никаким, даже самым дальним родственником... Но Зоя Сергеевна никогда не узнает об этом моем сожалении!

В неосвещенной комнате что-то упало со звоном на пол, послышался чей-то отчаянный стон.

– Оля, ты почему не спишь?

И сразу же, как будто неудовольствие Зои Сергеевны было приглашением, из комнаты вышла девочка лет двенадцати, села за стол напротив меня, вздохнула, как будто у нее что-то не ладилось... Я видел осенью, как она пробегала по ограде, перелезала через ворота и смело спрыгивала вниз. Один раз, проходя мимо дома, я слышал, как Павел Филиппович делал ей выговор за то, что она ленилась открывать ворота. Лица я тогда не запомнил, только платьишко и движения, быстрые, неуловимые... Я долго не видел ее, и вот теперь мы сидели за одним столом... Мне стало понятно, почему ей все-таки позволялось лазить через ворота: она была очень красивая и несколько не капризная. Она и за столом – мне это видно было – появилась не из каприза, просто ей хотелось сидеть с нами!

Павел Филиппович отказался от ужина, и ушел в дальнюю комнату.

– Это тот самый мальчик, – ласково кивнула в мою сторону Зоя Сергеевна, и я сразу же догадался, в чем дело: Зоя Сергеевна сказала, что я пишу диктанты без ошибок! Оля, конечно же, делала ошибки, и поэтому с интересом разглядывала мальчишку, у которого по русскому одни пятерки. Мне вдруг стало стыдно, что я такой грамотный, и я мысленно пообещал Оле, что в следующий раз обязательно напишу на тройку.

Сначала я подумал, что глаза у нее синие, и только потом разглядел: один глаз у нее был другого цвета, кажется, зеленоватого! И еще у нее были очень хорошие веснушки!

Павел Филиппович явился к столу в сверкающей белизной нижней рубашке, поинтересовался, о чем у нас разговор. Не дожидаясь ответа, почему-то посмотрел на одну Олю, и я услышал негромкий, немного торопливый и насмешливый голос:

– Ну, уж ты-то, уважаемая племянница, ничего интересного не можешь сказать.

И, не дожидаясь ответа, ушел.

Щечки ее вспыхнули, как два маленьких факела, и, как будто задутые ветром, тут же погасли.

Мне показалось, что дядюшка излишне строг к своей племяннице, что она привыкла к этому и сопротивлялась так, для порядка. Мою догадку подтверждало и поведение Зои Сергеевны: замечание Павла Филипповича она пропустила мимо ушей, и Оля на нее не обиделась.

Хотелось заступиться за Олю, и я подумал:

“Конечно, нарвешься на замечание, если рядом два учителя, да еще один из них – директор!”

В подтверждение того, что ничего не случилось, Павел Филиппович совершенно миролюбиво нес для меня полосатый матрас, подушку и одеяло.

Я спал в большой комнате на большом диване, среди больших шкафов с книгами. Посреди комнаты сверкала игрушками елка, оставшаяся от новогоднего праздника.

Но самое удивительное было то, что утром меня разбудила Оля.

– Завтракать, – сказала она. – Долго спят только большие лодыри!

Из кухни не очень-то смело поглядывал Ленька – младший сын Карагодиных. Он увидел, что я проснулся, и что-то сказал на своем пока еще непо-

нятном языке. Девочка, белая, как подберезовик, заранее расставила руки, чтобы поймать братца, если он будет падать.

Старших в доме не было – они ушли в магазин, и Оля осталась за хозяйку.

Я отказался от завтрака.

Олю это не огорчило – она сразу же нашла выход:

– Тогда будем слушать патефон!

Только тут я вспомнил, что сегодня – воскресенье.

Очень ловко – тот даже и глазом моргнуть не успел – Оля усадила Ленку к себе на колени, несколько раз стиснула, как мячик. Я думал, карапуз расплачется, но он готов был вынести все, что угодно, только бы она не бросала его. Крышка патефона уже была приподнята. Оля вместе с Ленкой взялась накручивать пружину. Достала снизу пластинку, которую проигрывала чаще других. Красивая женщина печально пела о том, что из-за потерянного колечка она будет плакать день и ночь... Я, сколько ни слушал, не мог уразуметь: как это можно потерять колечко, да еще, наверно, золотое?!

Мне было жалко женщину, но еще больше – мужчину, который подарил ей колечко: раз потеряла, значит, не очень-то любила... А теперь спохватилась, да – поздно!

Оля отдала мне Ленку, кинулась на кухню, что-то стала передвигать на плите.

Возвращаясь, она похвасталась:

– Идут!

– Кто? – испуганно спросил я, подошел к окну и сам все увидел: Карагодины шли домой. Они еще были за мостиком, разделявшим одну деревню от другой.

Я не хотел встречаться ни с Павлом Филипповичем, ни с Зоей Сергеевной – доставил хлопот вечером, да еще утром расселся возле патефона...

Я вышел из директорского дома, в котором Оля жила на квартире, и за ле-

сом, подальше от дороги, начертил прутиком на снегу Олино имя!

Я откуда-то знал: если хочешь дружить с девчонкой, то надо написать ей письмо. Но вот в чем была загвоздка: дед, отец, сестры и братья у меня грамотные, глазастые, причем, у деда было настолько острое зрение, что он мог читать газету при луне! Уж от него-то, я знал – мне не спрятаться! Написать письмо Оле зимой казалось делом почти невозможным – постоянно кто-то был рядом!

И только бабушку я не боялся: она не умела читать, и за это я полюбил ее еще больше!

Под видом домашнего задания я сочинял Оле письмо. Из альбома старшей сестренки, который я тайком читал не печке, мне пригодились, например, такие строки:

*Как одинокая береза
Внимание путника зовет,
И так же бледная страница
Пусть яркий взор твой привлечет.*

Сюда же я целиком переписал стихотворение Лермонтова “Парус”. Я был уверен, что оно тоже – о любви. Под стихами нарисовал лодку в волнах. Назначение рисунка я понимал так: через волны жизни парус мчит меня к Оле! Письмо я сложил, как складывают порошки с лекарствами.

Отдать его Оле было так же трудно, как и написать.

И вдруг я сообразил: это можно сделать на уроке. Нужно попроситься на улицу, и если в коридоре никого не будет, положить письмо в карман Олиного пальто.

Я вышел из класса и сразу же стал похож на вора: в любое мгновение мог кто-то выйти из учительской, появиться с улицы, из библиотеки, которая располагалась в начале коридора, и в которой с утра до вечера сидел высокий белобродый старик в очках с ниткой вместо

одной дужки – наш библиотекарь. Я вздрагивал от малейшего шороха, от чрезмерно громких учительских голосов, гнавших меня по коридору, как будто знающих, что я затеял что-то нехорошее...

Я подошел к бачку с кружкой на цепи и, хоть и не хотел, напился...

На следующем уроке снова попросился на улицу.

Кинулся к раздевалке, отыскал Олино пальто, сунул руку в карман – там лежали ее рукавички. Сначала я их держал, не зная, что с ними делать, притронулся одной из них к щеке и чуть не засмеялся от восторга: рукавичка пахла подснежниками! Я для чего-то подержал руку в кармане Олиного пальто, спрятал письмо в рукавичку.

До конца урока просидел в тесной от книг, но очень уютной библиотечной комнате, сказав старику, что меня выгнали из класса. Зачем мне понадобилось говорить неправду? – не знаю. Старик, кажется, не поверил мне и кивком указал на плетеный стул, на котором чаще всего сидел он сам. Или ему наскучивало одному в библиотеке, или из сочувствия к выгнанным он никогда не отказывал в приюте. А чтобы никто из учителей не видел, что удаленный из класса отбывает время в таких замечательных условиях, старик закрывал на крючок двери, читал какую-то книгу и что-то записывал в свою толстую клепчатую тетрадь...

Закончились уроки у младшеклассников. Оля не любила толкаться и одевалась в стороне. Застегнув пальто, она достала рукавички, одела одну и ничего в ней не обнаружила, затем – другую... Щечки ее вспыхнули точно так же, как в тот раз за столом... она спрятала рукавички в пальто. Мне казалось, что я вижу, как Олины пальцы сжимают в кармане записку... Я думал, Оля догадалась, от кого записка, но она даже не посмотрела на меня. Глянув куда-то дальше, где носились друг за другом

ученики, она улыбнулась, обогнала черноглазую, решительную Истомину, с которой сидела за одной партой, и через минуту я видел из класса, как она, размахивая новеньким коричневым портфелем, стремительно бежала по расчищенной в снегу дорожке.

Оля оказалась смелее меня. На большой перемене, когда прозвенел звонок и вот-вот должны были пойти учителя, она, проходя мимо, молниеносно передала мне записку, сложенную так же, как моя, только еще аккуратнее – точь-в-точь порошок с лекарством! Подбежала к двери, быстро повернулась, и я увидел ее смущенный и восторженный взгляд.

Письмо – двойной листок из тетради в клеточку – я читал за высоким сугробом возле школы.

“Милый Володенька! Я желаю с тобой дружить и быть вместе до самой смерти!”

Дальше следовали стихи:

*“Англия, Америка,
Япония, Китай,
Милый Володенька,
Меня не забывай!”*

Оля

Я бережно сложил письмо, торопливо спрятал его во внутренний карман трикового пиджака (поближе к сердцу) и отправился на урок.

Переписав Оле все, что можно было переписать, я положил альбом на место, довольный, что сестренка ничего не знает, и принялся сочинять сам.

После первых же моих стихов – о зимних узорах на стекле – Оля ответила мне. Это было ее второе коротенькое письмо.

Я отозвался новыми своими стихами:

*С волнением я гляжу в твоё окошко,
В котором виден свет издалека,
И почему-то грустно мне немножко,
И все еще горит моя рука!*

Дед – я знал, что это у него не умышленно – подглядел первую строку и выпросил у меня весь стишок. Он и на восьмом десятке был любознательным, я не смог ему отказать, но только поставил условие: никому не говорить о моих стихах. Он поклялся молчать, как рыба.

Я вбил в голову, что нужно встретиться с Олей, когда стемнеет, когда зажгутся огни... Но мне почему-то казалось, что нам попадет за это, и я вот что придумал: отучусь до обеда, приду со всеми домой, а вечером, чтобы никто не видел, уйду на Марининск и вечером же вернусь. Получится за день двадцать километров, но это – пустыки. Мороза не было – Оля наверняка будет кататься на санках в овраге...

К темну я уже был около школы. В овраге никто не катался. Это меня сильно огорчило: что за деревня такая?! У нас даже в большой мороз стон стоит на Пастуховой горе, малышня ночью в лесу катается, родители силком уводят ребятишек домой, а тут... Я походил по дну оврага, нашел фанеру. Прокатился с горы два раза, но от этого стало еще скучнее. Из школьных труб клубами валит дым, сторожихины ребятишки, успевая баловаться, носили дрова в школу. В директорском доме празднично светились окна. Скрипнули двери, стало слышно, как о чем-то говорила Зоя Сергеевна. Мне так хотелось подойти к дому, встать на завалинку и посмотреть, что делает Оля! Когда шел сюда, думал: как-нибудь вызову, если ее не будет. В окошко постучу. И вот – оробел. О том, чтобы зайти к Карагодиным, и думать было нечего.

Из оврага я еще раз оглянулся на длинный директорский дом, на Олино окошко и по тропинке через болото, на которой я знал чуть не каждую кочку, отправился домой, довольный, что если меня и видел кто-то, то все равно не узнал в темноте.

Было тепло, собирался пойти снег. Перед тем, как спуститься по крутому

склону к речке Хорге, которую и летом увидишь только, когда продерешься через кусты лозы и черемухи, я остановился и долго всматривался: может, волки ждут меня в Хорге? Так и подмывало пойти вкруговую – дать полкилометра лишних, только бы не заходить в этот высокий, постукивающий от ветра кустарник...

Иду, прислушиваюсь: может, кто навстречу будет ехать или догонит.

Луна из-за туч вышла.

Стал я по сторонам оглядываться и глазам своим не поверил: до деревни недалеко, а вдоль дороги – место чистое, хорошо видно – два темных предмета движутся... Волки! Я остановился, и они остановились... Спички у меня в кармане, солому надо жечь, а до зародов – метров двести. Бегу я, что-то кричу, может, думаю, испугаются. Зажег и бросил в их сторону несколько спичек...

Волки делаются все крупнее, крупнее...

Хорошо, что кто-то приезжал за соломой и полбока у зароды вывернул, – не по клочку выдергивать, а бери охапками, зажигай! У меня и кусочек бересты был на всякий случай.

Вспыхнул огонь, и сразу же веселее стало.

Третью охапку подальше отнес – боюсь зароды спалить!

С факелом пробежал навстречу волкам. Солома у меня в руках неожиданно погасла, и тут я увидел: волков нет – это вершины двух старых сосен из-за бугра виднеются! Я проверил: пошел по снегу вдоль дороги – и сосны идут. Как я о них забыл?! Каждый день видел, а тут – забыл!

Дома сказали, что дымом от меня пахнет. Солому, говорю, жгли, баловались. Охота было рассказать, как я с волками боролся! Только дед как будто о чем-то догадался – погрозил мне, но так, чтоб не видели.

Все уснули, а я лежу, вспоминаю. Даже не верится, что все так хорошо кончилось.

Дед, видно, замерз на полатах, на печку перебирается. Улегся рядом, тихонько спрашивает, где был.

Утром так и не мог понять: на самом деле допытывался дед или мне это приснилось?

Я и от Оли утаил, что приходил вечером.

Потом все-таки катались мы на санках и один раз сидели в кино рядом. Мне тогда удалось столкнуться с места одного нашего пацана – он никак не хотел, чтобы я сидел с ней рядом.

Утром Оля встречала меня на крыльце школы. Она подружилась этой зимой с нашими девчонками и здоровалась сначала с ними, а уж потом – со мной.

Иногда уроки у седьмого и пятого заканчивались разом. Оля мчалась к ограду, взбиралась на самый верх новеньких березовых ворот, стояла на них во весь рост, удерживаясь за столб, и смотрела, как мы идем мимо рощи. Бывало, даже есть расхочется, когда она вот так стоит и машет вслед разноцветной рукавичкой.

Я и в исторический кружок записался, когда узнал, что Оля иногда туда заходит. Кончатся вечером занятия, Оля – домой, я – домой, и начинается казаться, что Оля не на кружок приходила, а чтобы со мной встретиться...

После уроков, как известно, никто не любит оставаться, а для меня это был чуть ли не праздником. Оля нет-нет да прибежит в школу: то ей – Павла Филипповича, то – Зою Сергеевну, и мы опять видимся!

Как-то принесла мне в пустой класс конфет с хлебом, так я на седьмом небе был, чуть школу от радости не бросил!

Однажды я украл у старшей сестренки двустороннее зеркальце, подаренное ей женихом, и в коридорном тамбуре, где нас не могла заметить ни

одна душа, отдал Оле. Она тут же спрятала зеркальце в кармашек своего платья.

Дома меня ждал скандал. Сестренка в тот же день обнаружила пропажу и почему-то стала нападать на меня, хотя нас было пятеро братьев.

Но это были цветочки.

В конце февраля как раз начались метели, старшекласникам – седьмому, шестому и пятому – было приказано становиться на линейку. Учителя как-то странно поглядывали на нас, перешептывались, даже у старушек помолодому поблескивали глаза. Может, оттого, что все нервничали, шум в коридоре стоял невообразимый.

Павел Филиппович вышел из учительской, и шум прекратился. Стало слышно, как все с той же силой завывает ветер, срывает с крыш и с деревьев комья снега, и каждый, наверно, кто жил далеко, увидел себя идущим по переметенной дороге. Павлу Филипповичу мороз и метель нипочем: блестят сапоги, пуговицы, офицерский ремень! Подворотничок ослепительно белый – глазам больно! Каждый быстренько осмотрел свою одежду, подтянул незаметно штаны, которые у нас тогда вечно сваливались. Подравнялись в строю.

Я заметил, что нет Зои Сергеевны, и поглядывал в конец коридора, ожидая, что вот сейчас она войдет с улицы и тревога, неизвестно от чего росшая во мне, исчезнет.

Павел Филиппович откашлялся и громко скомандовал:

– Влюбленные, шаг вперед!

Пятый, шестой и седьмой сначала оживились, но потом – замерли: к кому относится команда?

В каждом классе – а уж о седьмом и говорить нечего – были переростки: надо закончить десятый, а он или она еще только в седьмом! Был даже случай, когда из седьмого взяли в армию! Мы умирали от зависти и провожали счастливого всею школой. После войны пе-

переростков прибавилось – снова пошли в школу те, кто не учился год, два или три. На них-то и стали оглядываться... Но Павел Филиппович почему-то миролюбиво смотрел на переростков, которые вечно нас затирали, да еще хвастались, что директор курил с ними на крыльце школы, угощая папиросами из своего портсигара. Зато мы знали: Гоше Обухову, Ваське Андрееву и Мишке Шкуратову, тайком от взрослых, цыганка привораживала девчонок.

*Моя мать Мария
Жила в Ерусалиме,
Две девицы сидят на гробнице,
Травушку рвут, на гробницу кладут...*

Гошка, бледный, немного испуганный стоял перед старухой-цыганкой, которая держала завязанными в узелок какой-то колдовской тряпицы несколько Гошкиных серебрушек, а я, по разрешению Гошки, спрятавшись на печке за занавеской, едва не сваливаясь из-за трубы, старался услышать каждое слово цыганки, но разобрать дальше ничего не мог. Но я и так догадался, о чем молitava, – про двух наших девчонок, которые учиться не хотели и собирались замуж... Привораживал Гошка Тоньку Ландышеву... Крепчали морозы, мы стояли на квартире, и Гошка, чтобы рассчитаться с цыганкой, отдал весь наш недельный запас продуктов и всю мелочь, которую нам выдали дома на тетради. Цыганка была недовольна медяками, сказали, что для привораживания серебро всегда лучше.

Переростки готовы были шагнуть из строя. Павел Филиппович сделал им знак рукой: сегодня, мол, не ваша очередь. Я с тревогой посмотрел на Олю: надо стоять, будто сном-духом ничего не знаешь, а она глядит на меня в открытую, цветет, как май в декабре.

– Влюбленные, шаг вперед! – повторил свою команду Павел Филиппович.

Оля сделала шаг, сияющая, повернулась к строю, чтобы ее хорошо видели. Все так и ахнули. Карагодин назвал мою фамилию. Я шагнул из строя. Раздались смешки и тут же смолкли.

От стыда я готов был провалиться сквозь коридорный пол, я не видел лиц – различал только две длинные шеренги и не понимал ни Павла Филипповича (ведь он в первую очередь смеялся над своей племянницей!), ни Олю (чему она радовалась?), ни себя – я чувствовал, как иду ко дну, и в то же время знал: фронтовой офицер зря не станет выстраивать линейку, зря не скомандует...

– Павел Филиппович, я с вами не согласен, – раздался из строя гудящий, внушительный голос Толи Кузьменкова. Он был одним из тех учеников в нашем классе, кто на уроках делал замечания Павлу Филипповичу, и более робкие за это Толю недолюбливали. Воротник рубашки у него всегда был широко расстегнут.

– Кузьменков, закрой свою воробьиную грудь, – уже не в первый раз приказал ему Карагодин.

Кузьменков – этого от него не ожидал даже директор – медленно застегнул воротник белой рубашки и шагнул из строя. Он мог теперь, если бы захотел, опереться рукой о подоконник, за которым не унималась пурга.

Учителя, стоявшие, как и мы, по стойке “смирно”, сочувственно поглядывали в мою сторону, но я не сомневался, что они – против меня.

Если плохо учишься, то трудно быть смелым, а Кузьменков был отличником. Мы знали, что в классе он опять расстегнет воротник.

Я сделал движение, чтобы встать на свое место во второй шеренге, где меня не так видно, но Павел Филиппович взглядом остановил меня.

– С чем ты не согласен? – подружески спросил он у Кузьменкова. За смелость Карагодин уважал его не меньше, чем за отличную учебу.

– Разве нельзя влюбиться в ученицу? – спросил Кузьменков. Взгляд его был доверчивым, ожидающим.

Ученики засмеялись.

– А кто за них уроки будет делать? Я, что ли?! – возмутился Карагодин. – О любви в школе – забудьте. Предупреждаю первый и последний раз.

– Ну, почему? – не понимал Карагодина все понимающий Кузьменков.

Ответ у Карагодина был готов.

– Чем меньше любви, тем выше успеваемость... Понял, Кузьменков?

– А дружить нельзя?

– Дружите после семнадцати лет хоть до третьих петухов! В пятом классе носы морозить нечего. А теперь, Кузьменков, займи свое место в строю.

– Подождите, Павел Филиппович... У меня вот здесь, – Толя указал ладонью на сердце, – давно наболело... Я должен высказаться...

– Только короче, Кузьменков, а то я знаю, ты любишь...

– Постараюсь, Павел Филиппович... Мне ведь тоже некогда: мне еще за дровами ехать...

Кузьменков заступался за меня и за всех нас, а во мне что-то протестовало. Может, я завидовал его смелости? Нет, не это. А что же тогда? Мне нужно было, чтобы никто ничего не говорил о наших с Олей отношениях! А теперь будет говорить вся школа! А все это – из-за Карагодина! Но я почему-то не очень на него сердился. Я готов был сердиться на кого-то, а на кого – я не знал. Что-то было выше моего понимания...

Я слышал негромкий, уверенный, со скрытой смешинкой голос Кузьменкова, но слова не доходили до меня. Я сделал усилие и прислушался.

– ...Надоело прятаться, – говорил Толя. – Если с одной и той же ученицей в клубе перед кино или на каком-нибудь вечере танцуешь, то тебя и девочку

учителя берут на заметку. Так никогда танцевать не научишься... В прошлом году весной мы с Валею Мищенко пошли за подснежниками. Идем по деревне, забыл я обо всем на свете, а Валя говорит: “Нас видела завуч...”. Оглядываюсь – в окне Евдокия Терентьевна! У нас и так настроение испортилось, а Евдокия Терентьевна вышла за ворота и спрашивает: “Вы куда, голубчики, направились?” – За подснежниками”. – “Но ведь они в лесу растут, и ты, Кузьменков, прекрасно об этом знаешь... А от тебя, Валя, я не ожидала...” Валя вот-вот сквозь землю от стыда провалится... Ну, думаю, надо спасти девку! “Да их, говорю, вдоль дороги рвать можно, мы в лес не будем заходить”. – “Вернитесь, хуже будет”. Нам и до леса-то оставалось – два дома пройти! Но мы – вернулись. Пришлось по задам идти, крадучись. По лесу ходим, боимся с учительницей встретиться...

Мы тогда долго аплодировали Толе.

И ведь как свою речь построил: все свалил на одну Евдокию Терентьевну! Новый завуч хотела остановить Толю, но Павел Филиппович смерил ее таким чапаевским взглядом, что она всю линейку простояла зеленая.

И вот что для нас оставалось загадкой: Павел Филиппович говорил одно, а нам слышалось другое – запрещая, он как будто разрешал нам дружить с девочками! Мы же видели: учительницы, которые постарше, столько лет следившие, чтобы никто из нас раньше времени не влюбился, были недовольны линейкой и тем, что Павел Филиппович – командовал.

Мы после этого, сами не знаем почему, смелее стали.

Через две недели я пришел в себя, сосредоточился и снова принялся за стихи. Но я опоздал: Оля, не попрощавшись со мной, уехала.

Валентина Астапенко

СКАЗКА О ТЕПЛОМ ОЗЕРЕ

Королевский Дворец

Давно это было, но в какие времена и в какой Рыбьей Стране, сказать не беремся...

Теплое озеро пряталось в густых зарослях причудливых растений. С незапамятных времен Первая Половина озера принадлежала важному и ленивому Королю Вуалехвосту из племени Карповых, а Вторая Половина была поделена между Цихлидами и Анабантидами.

Кое-кто еще помнит Короля Вуалехвоста красивым и отчаянно смелым, за что он и был вознесен так высоко. Однако прошло время, Король состарился, растолстел от лени и обжорства. Все его заботы теперь сводились к тому, чтобы слуги хорошенько почистили его драгоценное платье с пышными оборками на хвосте и плавниках. Король совершенно перестал заниматься гимнастикой, охотой, как, впрочем, и делами своего Королевства, и превратился наконец в такого неповоротливого пузана, что приходилось держать во Дворце множество слуг, которые помогали ему передвигаться.

Изо дня в день король только и делал, что любовался своим нарядом и не позволял никому приближаться к себе, дабы не примяли дорогую ткань или, что еще ужаснее, не отщипнули ее кусочек по злому умыслу. А если кто и отважился оказать ближе дозволенного

расстояния, Властелин Первой Половины Теплого Озера тотчас же широко раскрывал огромную пасть, и тогда несчастный мог заметить в ней гниловатые, но еще довольно острые зубы. Тогда бедняга падал замертво или отправлялся в Темницу отрядом отважных Меченосцев, нанятых у чужого племени.

Дворцовый этикет требовал, чтобы при утреннем туалете Короля присутствовали только самые избранные:

1. Ее Величество Королева Львиноголовка, предпочитавшая оранжевые платья и удивительной красоты прическу в виде Львиной гривы.

2. Их Высочество Золотые Рыбки /десять Принцесс/ и одиннадцатая Принцесса Красная Шапочка – любимица не только Их Величеств, но и всего племени Карповых.

3. Двоюродный брат Короля, коварный одноглазый Принц Телескоп, тайно мечтавший завладеть Королевской короной и даже пытавшийся однажды посягнуть на личность Короля Вуалехвоста, за что и был ослеплен на один глаз.

4. Высокопоставленная особа, льстец и обманщик Кардинал, напавший на свое худосочное тело желтовато-коричневое одеяние, а вдоль него – золотисто-белую ленту – отличительный знак Первого Приближенного Его Величества.

5. Самый честный и самый храбрый из воинов королевской армии Барбус Огненный. Четыре черных ремня туго затягивали его крепкое тело. В военном мундире из оливково-зеленой ткани по спине и ярко-красной по животу он был просто прекрасен. Лучшие невесты Королевства сохли по нему.

6. И, наконец, сотня сереньких скромниц Королевских гуппи, служанок, выполняющих работы во Дворце.

Итак, все делали вид, что очарованы болтовней Короля, а между тем каждый был занят только собой.

Королева Львиноголовка напряженно думала, как избавить Королевство от лстеца и обманщика Кардинала. Кардинал перебирал способы усыпить бдительность Короля Вуалехвоста и Королевы Львиноголовки и тешил себя надеждой стать главой всего племени Карповых. Одноглазый Принц Телескоп только о том и размышлял, как бы ловчее убрать со своего пути всю Королевскую семью, а заодно и Кардинала. Барбус Огненный не сводил влюбленных глаз с Принцессы Красной Шапочки. Она была так прелестна в скромном молочном-серебристом платье и красной шапочке на изящной головке! Ее Высочество Принцесса Красная Шапочка усердно, хотя и тщетно, прятала не менее влюбленные взгляды, адресованные мужественному воину. Служанки Королевские Гуппи только и желали скорее отделаться от зануды Короля и тайком пробраться к своим любимым Королевским Гуппи, которые исполняли при Дворе обязанности прекрасных танцовщиков. За изящество и яркость одеяния они были приговорены навечно оставаться во Дворце.

Одним словом, Дворец жил своей нормальной дворцовой жизнью.

Болезнь Королевы

Как-то вечером Королева Львиноголовка почувствовала недомогание.

Широко раскрывая ротик, она тяжело дышала.

– Эра, – позвала Королева служанку, – умоляю тебя, Эра, пригласи господина Лялиуса. Ах, мне дурно!

– Сию минуту, Ваше Величество, – церемонно раскланялась Эра и немедленно удалилась из покоев.

Не прошло и несколько мгновений, как появился придворный лекарь, иностранец господин Лялиус.

– Прошу извинить меня, Ваше Величество, за нерасторопность, – врачеватель, почтенно поклонившись, тяжело-весело развернулся, чтобы достать инструменты из чемоданчика.

– Я Вам буду очень признательна, господин Лялиус, если Вы осмотрите меня. Я, кажется, умираю.

Исполнив свои обязанности, чужеземец важно пошевелил длинными усами и сделал вид, что ничего страшного не случилось. Однако он невольно содрогнулся всем своим овальным, сплюснутым с боков телом. Сомнений не было: Королева отравлена. На голове Ее Величества разрасталось огненно-красное пятно.

Я готов поручиться: ничего опасного. У меня есть изумительное средство, много раз испытанное. С вашего позволения я воспользуюсь Вашим терпением и провожу Ваше Величество в лечебный бассейн. Температура воды в нем доведена до 38 градусов Цельсия. Вашу хворь как плавником снимет. Уверяю Вас! – Говоря это, придворный лекарь старался не глядеть на больную; ему ужасно стыдно было за эту мало утешительную ложь. Даже он, знаменитейший из знаменитых, не в силах был облегчить участи Ее Величества. Господин Лялиус так разволновался, что побледнели знаки отличия на его платье – поперечные полосы синевато-зеленого и красноватого цвета.

Черная весть о болезни Королевы облетела все закоулки Дворца и дошла наконец до Его Величества.

Что тут началось! Король Вуалехвост начисто потерял голову и покой, забыл лень, вечное брюзжание и всячески выказывал трогательное внимание и нежнейшую заботливость любимой подруге.

Королева Львиноголовка была еще довольна хороша собой, очень добра, он просто не мог представить своей будущей жизни без нее.

Король совершенно перестал спать по ночам и даже дремать днем, самолично отбирал лучшие блюда, приготовленные в Королевской Кухне поварами Карасями, и подавал их Королеве. Деликатесов было предостаточно: искусно оформленные и приправленные различными соусами многие виды рачков (Артемии, Дафнии, Циклопы), аппетитно прозрачные личинки комаров – Коретры, аккуратными горками на красивом дорогом блюде разложенный самый свежий Трубочник – живые червячки, любимое лакомство Королевы.

Но больная едва прикасалась к обильной пище. Король был вне себя от горя. Теперь не радовали его ни взор, ни роскошный Дворец, выстроенный из драгоценных камней и редкостных растений, ни Королевское парадное платье, ни даже танцы красавцев Королевских Гуппи...

Несмотря на принятые горячие ванны, несмотря на заботы жителей Королевства, Ее Величество Королева Львиноголовка, осыпав последними милостями своих подданных, отошла в лучший мир.

Идея господина Лялиуса

Пышно похоронив августейшую супругу, Его Величество Король Вуалехвост, Властелин Первой Половины Теплого Озера, впал в смертельное отчаянье. Жаль было смотреть на его исхудавшую фигуру с провалившимися боками.

Злодей, совершивший покушение на Королеву Львиноголовку, до сих пор не был обнаружен. Король склонен был считать, что все это козни Принца Телескопа, а посему, испытывая величайший гнев, приказал своим верным воинственным Меченосцам арестовывать преступника.

– Вам, ничтожнейший Принц, и всему Вашему роду Телескопов надлежит носить траур отныне и во веки веков!

– О Ваше Величество! Вот уже много времени Я не давал Вам повода сомневаться в моей порядочности, – затрепетал двоюродный брат Властелина. А так как он не смог представить доказательств своей невиновности, то выпучил только единственный глаз и безропотно подчинился воле Владыки. Теперь вместо ярких нарядов Телескопы были обязаны носить черные одежды.

– Его Величество почувствовал слабость и тотчас же вызвал господина Лялиуса.

– Чем обязан, Ваше Величество? Какое приказание я услышу из Ваших царственных уст? – Придворный лекарь, оказавшись в Королевских покоях, не смел поднять глаз на своего господина.

– Голубчик, тоска пожирает меня. Сделай великую милость, подскажи, что мне делать? Где искать утешения? – Глуповатые выпуклые глаза Короля были полны искренних слез, а толстые губы отвисли в глубокой печали.

– О мой Король! Если дело только в этом, положитесь на меня, и через неделю-другую от Вашей великой скорби не останется и следа. Вам необходимо развеяться. К примеру... можно жениться на самой красивой девице.

– Но, дорогой мой господин Лялиус, в моем Королевстве была только одна самая красивая – моя покойная супруга... Королева Львиноголовка... – И тут Король так горько разрыдался, что знаменитейший из знаменитых

врачевателей даже растерялся, не зная, как успокоить Его Величество. Наконец он собрался с мыслями и решился произнести:

— О Ваше Величество! Дозвольте недостойному молвить слово. Вы так любили и доселе любите незабвенную Королеву Львиноголовку... Это делает Вам честь. Однако Ее Величества нет уже в нашем брэнном мире. Ходит молва: у Короля Анабантидов имеется дочка, прекрасная Гурами Жемчужная. Девица, говорят, красы неопикуемой. А платья у нее! Так и переливается серебром и жемчугом. А как уж добра, как ласкова! Правда, добраться до этого племени будет трудновато. Путь к красавице лежит через Страну воинственного племени Цихлидов. — Господин Лялиус, побыв еще несколько времени около размечтавшегося Владыки и не дождавшись ответа, покрутил длинными усами и незаметно покинул покой. Неприлично мешать течению великих дум Властелина Первой Половины Теплою Озера!

Конец Кардинала

Три дня и три ночи думал Король Вуалехвост, никого не принимал, не ел, не пил, отощал, как последний бродяга Карасишка.

Утром четвертого дня он вызвал самого храброго из воинов Королевской армии Барбуса Огненного. Воин не замедлил явиться.

— Слушайте Наше Королевское повеление, — начал Король, деловито прогуливались взад и вперед и надув провалившиеся бока. — Даем Вам сроку два дня, господин Барбус Огненный. Приведите в боевую готовность Королевскую армию, отберите отряды из лучших воинов Меченосцев и Барбусов. А Вас, господин Барбус Огненный, назначаем Главкомандующим. Мы выступаем во вражескую Вторую Половину Теплою Озера. И на Вашей со-

вести добыть мне невесту, некую Принцессу Гурами Жемчужную. Все, что касаето подхода, Вам сообщит господин Лялиус. Да поможет Вам Божественное Солнце! Не смею задерживать более!

— Слушаюсь, Ваше Величество! — бодро выкрикнул Главкомандующий Королевской армии, но тут же почувствовал себя скверно, отчего даже потускнели краски яркого мундира. Его во все не страшил предстоящий жестокий бой — его убивала мысль о скорой разлуке с прекрасной Принцессой Красной Шапочкой.

Как ошпаренный, выскочил он из Королевских покоев и стал кружить возле Дворца в жаркой надежде встретиться с любимой.

Вот появилась веселая стайка Принцесс Золотых Рыбок, проследовавших в беседку, сплетенную великими мастерами из заморских водорослей. Нежные веера Кабомбы переплетались с ожерельями мелких листочков Элодеи. Яркий свет Божественного Солнца ласкал каждое растение, и они пышно разрастались, образуя чудесное место для отдыха. Однако среди шумных девиц не оказалось той единственной, которую ждал Барбус Огненный.

Вот медленно вышли на очистку дна большие Улитки-Дворники. Вот рабочие Караси понесли на Королевскую Кухню только что отловленного Мотыля.

Горячее сердце воина уже готово было навечно остыть от горя, как вдруг в Летнем Саду мелькнуло серебристое платье одиннадцатой Принцессы. Не успел он развернуться, чтобы кинуться к ней навстречу, как густые заросли неестественно зашевелились, и между темно-зелеными лентами Валлиснерии появились наглые глаза Кардинала.

Чтобы не обнаружить себя и выяснить причину, побудившую высокопоставленную особу воровски прятаться, Главкомандующий стал осторожно

пробираться по теневой стороне.

Известный всем обманщик Кардинал предстал перед прекрасной Принцессой Красной Шапочкой и ловко натянул на себя маску робкого и вежливого кавалера:

– Ваше Высочество, не дайте погибнуть моему исстрадавшемуся сердцу. Я имел смелость полюбить Вас...

– Но отчего же Вы подписались в этой записке именем Господина Барбуса Огненного? Это не делает Вам чести! – Принцесса разорвала исписанный листок Элодеи на клочки и, задыхаясь на каждом слове, гневно закончила:

– Хочу Вас сразу заверить, премногоуважаемый господин Кардинал, что люблю другого, не менее достойного, чем Вы. И убедительно попрошу никогда более не беспокоить меня своим присутствием. Весьма сожалею...

– В таком случае прощайте, о жестокая! Но позвольте в знак нашей первой и последней встречи принять сущую безделицу. – Кардинал старательно соорил любезную мину, отчего стал в глазах Принцессы еще неприятнее.

Однако, чтобы не вызвать в нем желания продолжать разговор, Ее Величество с плохо скрываемым отвращением взяла огромную жемчужину и сделала вид, что уносит ее с собой. Поравнявшись с наиболее пышными кустами Папоротника, незаметно обронила драгоценность и, облегченно вздохнув, укрылась в беседке. Барбус Огненный, дождавшись, наконец, когда исчез и Кардинал, отыскал жемчужину, подозрительно осмотрел ее и ничего особенного не заметил.

Чудесная находка вскоре лежала в Королевской Лаборатории. Великий лекарь господин Лялиус через несколько минут заявил, что сия драгоценность начинена медленно действующим ядом, который проникает через трещину украшения в кожу и постепенно отравляет весь организм.

– Но откуда у Вас сие чудовище? – содрогнулся от ужаса и омерзения врачеватель.

Не дав никаких объяснений, храбрый воин метнулся разыскивать Кардинала. Королевские повара сообщили, что видели его в личном особняке. Барбус Огненный осторожно проник в обиталище преступника.

Перед его взором предстал не изобличенный еще никем убийца, любовно перебиривший жемчужные горошины. Какой следующей жертве предназначались они?

Барбус Огненный, пылая огнем негодования решил обнаружить себя:

– Стой, негодяй! Защищайся, если можешь!

Оторопевший Кардинал выронил драгоценный камень и мгновенно обнажил шпагу.

– Что Вам угодно, господин Барбус Огненный? Не забываетесь: Вы в моем доме!

– А что Вы скажете об этой безделушке, уважаемый господин Кардинал? Не знакома ли она Вам? Будьте так любезны, взгляните повнимательней. Я нашел ее в Летнем Саду Его Величества...

Кардинал вдруг побледнел и неистово бросился на незваного гостя. Барбус Огненный отбил удар с не меньшей ловкостью и чистосердечно похвалил противника:

– Владеете шпагой Вы недурно, господин Кардинал! – И тут же, стремительно подавшись вперед, пригвоздил его к стене. – Отвечай, убийца: с каким намерением ты вручил Принцессе Красной Шапочке эту жемчужину?

– Я пытался отравить Ее Высочество: она отвергла мою любовь. Этого могло и не произойти. Я искренне полюбил Принцессу. Но я очень ревнив. А жемчужину прихватил на случай отказа.

– Отчего умерла Королева Львиноголовка?

— По этой же причине. Королеве я подарил заколку с жемчужиной. Никто и не догадался вынуть ее из прически при захоронении Ее Величества.

— О боже! Несчастный, прощайся со своей гадкой жизнью! — Воскликнул воин и с отвращением вонзил шпагу в тощее тело Кардинала.

Перед Великим походом

Спустя два дня огромное войско в полном составе парадно предстало пред очи Властелина Первой Половины Теплого Озера.

В переднем строю воинственно выставили свои острые, не знающие промаха мечи Меченосцы. Второй ряд заняли смелые, затянутые четырьмя черными ремнями Барбусы. Перед каждым отрядом — совершенно черные разведчики Телескопы. Их огромные выпуклые глаза различали противника безошибочно на приличном расстоянии.

Опьяненный гордостью за свои войска, Король Вуалехвост соблаговолил сказать речь:

— Господа! Я льщу себя надеждой, что очень скоро буду иметь возможность лицезреть вас с богатой добычей. Помните ежеминутно: нет большего счастья, чем погибнуть за Короля! Мне нужна принцесса Гурами Жемчужная — и вы ее добудете. Итак, все готово, можно выступать. И да хранит Божественное Солнце Вашего Короля!

Барбус Огненный бросил прощальный взгляд на свою возлюбленную. Одноглазый Принц Телескоп благодарно махнул плавником своему спасителю Главнокомандующему. Из единственного выпученного глаза бесконечно текла искренняя слеза.

Итак, в ранний час, когда вода еще прохладна и бодрит тело, Королевская армия начала Великий поход во Вторую Половину Теплого Озера.

В стране Цихлидов

Войска Короля Вуалехвоста двигались довольно быстро. Однажды разведчики Телескопы донесли Главнокомандующему:

— Ваша честь, в зарослях Папоротника рыскают воины из племени Цихлидов. Нам удалось пробраться в тыл к врагу. Хромисы — так назвал их господин Лялиус — имеют обычай носить клипсы из сине-зеленого камня. Это символ бесстрашия. Хромисы уже зверски расправились с одним из наших лазутчиков: они его просто растерзали на части и проглотили, как лучшее лакомство. Дворец Короля Хромиса Красавца находится в часе пути отсюда. Ждем Ваших приказаний.

— Я сам пойду в разведку. Всем оставаться на местах. — Барбус Огненный велел подать маскировочный халат, а уже через мгновение его ловкое тело скользило между белыми цветами кувшинок.

Вскоре мужественный воин заметил семью Хромисов. Хромис-отец занимался домашним хозяйством: тщательно ухаживал за икрой — будущим потомством. Барбуса Огненного поразил наряд чужеземца: красновато-оливковый костюм с коричневатым оттенком и множеством сине-зеленых украшений.

Рядом показалась его супруга. Вытянутое тело ее туго обтянуло бордовое платье, на котором сине-зелеными искрами сверкали драгоценности. Заметив ее алчный взгляд, Хромис все понял. Тело его налилось кровью, глаза загорелись, вытянутая пасть еще более подалась вперед. Всем своим обликом он стал походить на маленького Крокодила. Их неосторожной жертвой оказалась Личинка Стрекозы.

Главнокомандующий содрогнулся от ужаса, представив себя на ее месте. Характер Хромисов был ясен. Барбус

Огненный незаметно удалился прочь и был вынужден опять затаиться.

Другое семейство хлопотало около своих уже вылупившихся из личинок мальков. Почуввав опасность, родители спрятали малышей в пасть и отнесли их в более безопасное место – вырытую в песке норку.

Доблестный воин из племени Карповых понял, что этого врага можно одолеть только хитростью. Проведя в чужих водах почти целый день, разведчик вернулся обратно. Он отлично запомнил, где расположены основные силы противника.

– Воины! На нашем пути встретится племя дикарей, которые немилосердно расправляются с каждым, кто посягнет на их территорию. Я предлагаю, более того приказываю всем надеть маскхалаты и предельно осторожно передвигаться за мной, след в след. – Так сказал Барбус Огненный и лично проследил за выполнением своего приказа.

Благодаря исключительной бдительности армия Короля Вуалехвоста благополучно добралась до Королевства Анабантидов, если не считать гибели двух зазевавшихся воинов, проглоченных голодными безобразными Лягушками.

В покоях Короля Гурами Жемчужного

Господин Лялиус родился в племени Анабантидов. Из этих краев его и выписали в Первую Половину Теплого Озера. Вот почему он был направлен сюда в качестве посла.

– Да здравствует Король Гурами Жемчужный! – почтительно поклонился лекарь, войдя в покои короля. – Позвольте, Ваше Королевское Величество, передать Вам наилучшие пожелания здоровья Короля Вуалехвоста и его Королевское предложение: отдать ему в жены Вашу дочь, несравненную Гу-

рами Жемчужную. Слава о красоте и доброте ее настигла Властелина Первой Половины Теплого Озера в черный момент его жизни: он овдовел. Красавица Гурами Жемчужную станет полновластной Королевой племени Карповых. Огромная королевская армия готова сопровождать будущую Королеву!

Гурами Жемчужный важно развернулся к зеркалу, оправил серебристое, усыпанное жемчугом платье на дородном теле, миролюбиво пошевелил длинными, седыми усами и, даже не взглянув на своего бывшего придворного врача, произнес:

– Благодарю Вас, господин посол, за оказанную Нам честь. Мы подумаем и сообщим Наше решение завтра, в тот ранний час, когда первые лучи Божественного солнца коснутся водной глади Теплого озера. До сего времени можете отдохнуть в Саду.

Как и все короли на свете, Король Гурами Жемчужный очень кичился своей родословной, и его плоские бока просто распирали от одной только мысли, что дочь его станет богаче всех во всем Теплом Озере.

Теперь и наглые Цихлиды поостерегутся нападать на подданных Его. Конечно, жених далеко не молод, а точнее, старая развалина. Однако это и к лучшему: Гурами Жемчужная не сегодня – завтра полновластная Владычица племени Карповых! Звучит недурно!

Встреча с Принцессой Гурами

Знаменитый лекарь прилег в теничке на лежанку и под монотонное раскачивание листьев Стрелолиста неожиданно для себя задремал. Ему снилось, как Гурами Жемчужный обнимал его при встрече и горячо благодарил, благодарил. Потом снилась встреча с Цихлидами. Один из них, распахнув огромную пасть, приготовился разорвать

бедного господина Лялиуса. Посол Короля Вуалехвоста горько зарыдал во сне.

Проснувшись, он увидел, что лист-стрела растения, под которым он спал, уперся своим острием ему в бок. А где-то совсем рядом безутешно плакала девица.

– Любимый мой, я ни за что не расстанусь с тобой! Лучше уснуть навечно, выбросившись на берег, или добровольно стать кормом для Цихлидов, чем жить со стариком, вдали от Родины... О Божественное Солнце, помоги мне!

– Не волнуйся, любимая, – горячо восклицал молодой друг. – Клянусь своим сердцем, что не отдам тебя на чужбину. Я соберу войско из простых Гурами, Лялиусов, Макропов и Петушков, ведь все мы одного племени – племени Анабантидов! Я поведу их войной на Короля Вуалехвоста!

Господин посол наконец очнулся и, решительно раздвинув кусты Кабомбы, густо усеянные маленькими цветочками, промолвил:

– О только не это, умоляю Вас! Ради всего святого не увеличивайте число сирот!

Пока влюбленные разглядывали гостя, врачеватель сам не мог оторвать восхищенного взгляда от Гурами Жемчужной и ее возлюбленного Гурами Голубого. От их переливающихся серебряных одежд, усыпанных дорогим жемчугом, рябило в глазах.

Господин Лялиус пытался подыскать необходимые приличные извинения за свое вторжение и наконец обратился к Принцессе:

– Прошу покорнейше меня простить, Ваше Высочество, я стал невольным свидетелем этой сцены. Позвольте представиться. Я – подданный Короля Вуалехвоста. А раньше... Вы меня не помните?

– Дядюшка Лялиус! Это Вы?! – со счастливыми слезами на глазах она

бросилась обнимать бывшего лекаря своего отца.

Ничего еще не понимающий жених стал медленно прятать шпагу в ножны.

– С какой же миссией Вы пожаловали к нам на этот раз, дядюшка?

– Вижу, дорогая моя, что вовсе зря я появился здесь. Ведь это моя дурная стариковская голова внушила вдовцу сделать тебе предложение. Да разве я мог себе представить, что красавица Гурами Жемчужная – это моя малютка Гура?!

– Что же делать? Умоляю Вас, придумайте что-нибудь!

– Успокойся, моя прелесть. Рано еще мне уподобляться неразумному Моллюску. В изысканных выражениях я сообщу Королю Вуалехвосту, что Принцесса Гурами Жемчужная недостаточно красива и недостаточно умна, чтобы заменить бывшую Королеву Львиноголовку. Ты позволишь мне это сделать, крошка?

– С преобладающим удовольствием! – улыбнулась Принцесса, но тут же испуганно спросила:

– А что Вы скажете моему отцу?

– Я преподнесу ему трагическую весть: Королевская почта донесла, что у Властелина Первой Половины Тепло-го Озера отнялись плавники и он совершенно не в состоянии двигаться.

Принцесса благодарно поцеловала старика.

Ночью

Господин Лялиус, объяснившись на завтра с Королем Гурами и вдоволь насладившись беседой со своей любимицей, с легким сердцем отправился к Главнокомандующему Барбусу Огненному. Уже стемнело, когда он увидел первых постовых Меченосцев. Они настороженно затаились, держа наготове острые и длинные черные мечи и воинственно приподняв гребешки. Остальные воины лежали неподвижно и креп-

ко спали. Их удлинённые тела, одетые в ярко-оранжевые мундиры, сейчас чернели на песке рядами. Барбусы дремали в верхних слоях воды вниз головой, вверх хвостом, в самой излюбленной для сна позе.

С последними лучами божественного Солнца все замирает в воде, засыпая, чтобы за ночь накопить силы для борьбы за жизнь.

Дворцовый врачеватель с большим трудом отыскал пустой дом огромной Улитки. Здесь было и уютно и безопасно. Но перед сном лекарь не смог удержаться от соблазна обругать Его Величество Короля Вуалехвоста, по чьей милости столько воинов было оторвано от родных мест:

– Рыбья Вы Пиявка, Ваше Величество! Водяной Вы Скорпион!

– Вам ли, неповоротливому жирному Моллюску, иметь такую невесту, чудную Гурами жемчужную?! Страшила Вы этакий, Ваше пучеглазое Величество!

С этими мыслями Королевский посол погрузился в сладостные грезы. Но, едва задремав, он явственно услышал сквозь чуткий сон подозрительное шепуршанье. Кто-то забирался внутрь домика. Он не ошибся. Это лазутчик из племени Цихлидов норовил протолкнуть свою любопытную крокодилью пасть в открытый вход. Уже появились горящие хищным огнем глаза Хромиса, почуявшего богатую добычу, уже забродила кровь во всем теле незваного гостя... еще миг – и он бросится на растерявшегося господина Лялиуса.

Королевский лекарь пришел, наконец, в себя, схватил чемоданчик с инструментами и так прошелся по отвратительной физиономии незнакомца, что у того отпала всякая охота находиться в компании с чужестранцем.

Дав задний ход, Хромис вылетел из негостеприимного жилища и, дрожа всем телом, растворился в темноте.

Армия Цихлидов идет войной

Незадачливый шпион Цихлидов, обливаясь кровью, добрался наконец до своего повелителя. Весьма ценные сведения о приходе чужестранцев заставили Короля Хромиса красавца срочно привести в боевую готовность всю многорыбную армию. Каждому воину было тотчас же приказано выполнить по сто упражнений для широкого и резкого открытия пасти.

Не дожидаясь утра, Хромис Красавец выстроил отряды и самолично повел их на неприятеля. Вода в теплом Озере была еще совсем темна. Кусты давали зловещие тени, однако Король бесстрашно двигался впереди, то и дело восклицая:

– Храбрые Хромисы! Не допустим никого на нашу территорию!

– В путь, братья!

От этого клича загорелись крошечные фонарики на мундирах воинов, раскрылись жуткие крокодильи пасти, закипела вода от быстрых движений.

Вот и показался тот самый домик Улитки, где ночевал господин Лялиус. Королевский шпион с опаской заглянул внутрь и с большим сожалением отметил, что вход чем-то перекрыт.

– Выползай отсюда, никчемное жалкое создание! Через мгновение мы сотрем в порошок этот домишко-развалюху, а твои толстые аппетитные бока придутся по вкусу любому из нас! – выкрикнул Хромис. Он рассчитал, что лекарь расшвирует и, освободив вход, выглянет наружу. Таким образом жертву вытянут и заставят показать, где прячутся войска неприятеля.

Все воины плотным кольцом окружили домик с несчастным лекарем.

По сигналу Короля они ринулись на бывшее жилище Улитки. Вода казалась ярко-красной от налившихся кровью тел.

Довольно непросто было превратить в прах эту “развалину”. Но когда было все кончено, глаза Хромисов от удивления чуть не вывалились из орбит: домик оказался пуст. Это поразило всех. Никто не смог некоторое время сдвинуться с места.

Первым пришел в себя Король:

– Доблестные воины! Вы храбро бились, исполняя волю Вашего Короля. Наградой вам послужит Наше милостивое решение: мы, Король Хромис Красавец, отдаем своей армии на поедание лжеца, недостойного носить благородное имя Хромиса. Да будет так с каждым, кто осмелится обмануть Нас.

Несчастный шпион успел лишь вымолвить: “Пощадите, Ваше Величе...”, как оказался безжалостно разорванным своим воинственными собратьями.

Решение Главнокомандующего

Как только лекарь понял, что Хромис позорно бежал, он сию же минуту вывалил свое грузное тело из домика Улитки и, завалив вход, что было сил помчался к постовым Меченосцам.

– Господа! Гос-по-да-а! – зашептал он, трясаясь от страха и волнения. – Мы обнаружены! Донесите это господину Главнокомандующему!

– Успокойтесь, господин Лялиус. Главнокомандующий к Вашим услугам.

Все обернулись и увидели перед собой подтянутого и стройного, как всегда, хотя и несколько встревоженного Барбуса Огненного.

– Я услышал, что мы обнаружены. Но кем, позвольте Вас спросить? Хромисами? Что ж тут удивительного? На войне как на войне! Эй, постовые! Трубите сбор! Но без паники, господа! Будем биться не на жизнь, а на смерть.

– Что Вы, что Вы, отнюдь нет, – вдруг запротестовал лекарь. Нам здесь

больше делать нечего! – И торжественно объявил: – Я только что выяснил, что Принцесса вовсе не та, за которую мы ее принимали. Она омерзительно страшна. Да воздастся по заслугам лжецам, распустившим неверные слухи!

Сраженный услышанным, Главнокомандующий отдал приказ:

– Воины! Наша миссия здесь окончена, и теперь нам надлежит возвращаться в Первую Половину Теплого Озера. Армия поведет господин Длинный Меч. Я остаюсь с отрядом добровольцев для прикрытия. Советую всем надеть маскхалаты и не задерживаться. Удачи вам, братья!

Вспенились темные воды Теплого Озера: воины двинулись в путь. Отряд смельчаков прятался в густых зарослях Папоротника и Стрелолиста и оказался свидетелем описанной ранее экзекуции Хромиса.

Барбус Огненный с большим трудом сдерживал решимость своих подчиненных броситься в неравный бой.

– Это безумие, господа! – оставливал он наиболее отчаянных. – Нас ничтожная горстка против сборища дикарей. Здесь надо действовать хитростью и наверняка. Приказываю: первое – рассыпаться всем в разные стороны небольшими группами и попытаться привлечь внимание врага, второе – с первым лучом Божественного Солнца изменить направление и выйти на дорогу домой, третье – лучше верная смерть, чем предательство! Поклянемся, друзья.

– Клянемся!

– Клянемся!

– Клянемся!

Ранение Главнокомандующего

Воины из отряда смельчаков двинулись в разные стороны. Главнокомандующий Барбус Огненный был неразлучен со своими лучшими друзьями:

Меченосцем по имени Быстрый Меч и Телескопом Острый Глаз.

Забрезжил рассвет, и через какой-нибудь час видимость в воде обещала быть угрожающей для них. К несчастью, их задержала еще встреча с огромными Улитками, вышедшими на очистку дна. Вереница тружениц еле-еле передвигалась, а обойти их не представлялось никакой возможности: в верхних слоях воды войны были бы недопустимо быстро замечены врагом.

И надо же было такому случиться, что Барбус Огненный нечаянно наткнулся вдруг на острие какого-то предмета и получил тяжелую травму. Это лазутчик Цихлидов, спрятавшись в водорослях, нанес неожиданный предательский удар, за что и поплатился жизнью от встречного удара Быстрого Меча.

Долго не мешкая, Телескоп Острый Глаз поднял отсеченный им лист Валлиснерии и очень искусно перетянул им рану на хвосте Барбуса Огненного.

– Благодарю вас, друзья! Сожалею, однако, что труды ваши, по всей вероятности, напрасны. И я не имею никакого права рисковать вашей жизнью. Приказываю: немедленно отправляйтесь на Родину и передайте Принцессе Красной Шапочке, что я... – И Главнокомандующий потерял сознание.

Телескоп Острый Глаз низко поклонился одной из Улиток и умоляюще попросил:

– Прошу Вас, уважаемая, помогите нашему товарищу. Ему грозит смерть от большой потери крови. Скажите, есть ли неподалеку врач? Мы щедро наградим Вас!

Улитка остановилась в нерешительности, что-то соображая, и наконец проговорила:

– Врача здесь поблизости нет, но... вон та, самая большая Улитка хвасталась, будто приютила какого-то лекаря. Он вылечил ее многочисленных

деток от сильного кашля.

– Покорнейше вас благодарю, – обрадовался он и через мгновение очутился перед быстро двигающейся Улиткой-Великаншей.

– Прошу прощения, госпожа! У меня большое горе: умирает лучший друг. А у Вас, говорят, проживает некий лекарь.

– Да, – важно ответила Великанша. – Господин лекарь отстал от своей армии: он потерял сознание от огромного переутомления. Я нашла его во время своей работы и упросила подлечить моих малюток. Кстати, они сейчас на попечении моего супруга. А я обещала нашему спасителю перебраться через страну Цихлидов. Не знаю только, стоит ли будить его, ведь господин Лялиус минуту назад как задремал.

– Что?! Господин Лялиус?! Позвольте Вас расцеловать, госпожа Улитка! – Телескоп Острый Глаз так бурно выражал свою радость, что не только господин Лялиус мог проснуться, но и сраженный на смерть Хромис воспрянуть духом.

Королевский лекарь, разбуженный громкими восклицаниями, захватил свой чемоданчик с инструментами и выбрался наружу. Осмотрев раненого, он успокоил воинов:

– Эту рану я сейчас заштопаю, господа, и приведу в чувство нашего дорогого Главнокомандующего.

Когда операция подошла к завершению, врачеватель торжественно объявил:

– А теперь вернемся к тетушке Улитке и уговорим ее переправить раненого через страну дикарей. Уверю вас. К тому времени он уже оправится от болезни и сможет самостоятельно добраться до дома.

Услышав сию просьбу, Великанша запротестовала:

– Что вы! Что вы! Я в неоплаченном долгу у господина Лялиуса и не позволю, чтобы он познакомился с

хищниками. Мой дом настолько просторен, что в нем поместится не один гость, а целая дюжина. Не стоит, не стоит меня благодарить! В путь!

Во Дворце Короля Вуалехвоста

– С чем пожаловали, господин Лялиус? Как путешествие? Мы горим нетерпением узнать, где Наша невеста, несравненная Гурами Жемчужная! Мы велели приготовить ей достойную встречу, – Король Вуалехвост спрашивал о Великом Походе через страну дикарей как о приятном путешествии. При этом он еле шевелил плавниками и хвостом и пучил глуповатые глаза.

Лекару страшно захотелось сказать Владыке какую-нибудь грубость за его Королевское бессердечие, но он как воспитанный придворный, только мило улыбнулся, затем трагически произнес:

– О, мой Повелитель! Простите, но Вы были жестоко обмануты. Принцесса Гурами Жемчужная если и была когда-то очаровательной молодой особой, то сейчас она недостойна Вас по многим причинам: она сварлива, глупа и безобразна, как древняя неповоротливая Улитка. (Да простит меня Божественное Солнце за сие сравнение!..).

– Да вот... что я медлю... вот ее портрет. Прошу покорнейше взглянуть.

Врачеватель показал портрет – и Король тотчас же завалился на бок, упав в обморок.

Нетрудно догадаться, для чего лекарь вымолил у своей любимицы Гуры изображение самой неприятной личности в ее Королевстве – старой колдуньи. Что касается Главногокомандующего, тот действительно ничего не знал о подмене.

Его Величество пришло наконец в себя благодаря усиленным хлопотам господина Лялиуса. Однако при одном воспоминании об ужасной Принцессе с ним опять случился удар. Короля Ву-

алехвоста перетащили в спальню на специальных носилках сто слуг.

Через два дня Властелин Первой Половины Теплого Озера очнулся и печально произнес:

– Нет у меня невесты, нет супруги, нет Королевы у племени Карповых! Для чего столько моих личных трудов пропало даром?! Эти приготовления к свадьбе...

– Не огорчайтесь, Ваше Величество! Вы, как Король племени Карповых, должны достойно пережить эту неудачу. Позвольте Вам заметить, что все Королевство придет в отчаянье, если увидят Вас в глубокой печали. А приготовления к свадьбе не пропадут даром. Мне думается, Принцесса Красная Шапочка только и мечтает соединить свою судьбу с Главногокомандующим, господином Барбусом Огненным. В этом Вы легко можете убедиться сами. Взгляните в окно, Ваше Величество: она с такой трогательной нежностью омывает рану героя Великого Похода своими драгоценными слезами. Кстати, рана уже зарубцевалась.

– А что, это мысль... – выпучил еще больше глаза Король Вуалехвост. – В этом что-то есть. Свадьба любимой дочери развлечет меня, – воодушевившись от своих собственных слов, он важно продолжил: – Пусть знают во всем Теплом Озере, как Король Вуалехвост благодарит своих подданных за верную службу. Да, кстати, господина Барбуса Огненного за боевые заслуги повелеваю наградить орденом Пятого Ремня. Еще ни один воин моего Королевства не удостоивался такой чести.

– Вы очень великодушны, Ваше Величество, как и всегда... Я восхищаюсь Вами!

Вернувшись в свой кабинет, лекарь обнаружил письмо на листе Стрелолита: “Дорогой дядюшка Лялиус! Спешу сообщить приятнейшую новость. Высокочтимый отец мой Король Гурами Жемчужный милостиво дал свое согла-

сие. Теперь я могу быть счастлива с господином Гурами Голубым. Бесконечно преданная вам Гура”

– Слава Божественному Солнцу! – прошептал лекарь.

...Так закончилась история, которая произошла в давние времена в какой-то Рыбьей стране. Скажем по сек-

рету, что до меня дошла эта старинная повесть от Золотой Рыбки, до сих пор проживающей в Большом Аквариуме в нашей городской квартире. Если у вас есть неодолимое желание поближе познакомиться с рыбкой-сказочницей, большой Аквариум к вашим услугам.

КОТ И ОСКОЛОК-ЗМЕЙ

Были у мужика деревянная и оловянная ложки-сестры, кот Силантий и разбитная стеклянная бутылка. Ложки-сестры попеременно мешали кашу и дружно стучали по столу. Кот исправно ловил мышей и подавал советы. Разбитная бутылка только развлекалась с мужиком. Она была рада-радехонька, когда заглядывала ему в рот.

Однажды с пьяных глаз стеклянная бутылка хрястнула о камень, разродилась хромоножкой по имени Осколок и померла.

– Колченого сироту на свет произвела! – взвыл мужик. – Куда его таким устроить в теперешней жизни?

– Нас, стеклянных, папаша, тьма-тьмущая, – захихикал сынок, – испытай меня, на что я способен. – И начал кругом кромсать, рубцы и шрамы оставлять на всем, к чему прикасался. – А еще я могу похищать луч у солнца, – он выхватил солнечный луч и стал прожигать им папашины штаны.

– Что ты вытворяешь? – вскрикнул от боли мужик и погасил вспыхнувшие портки. – Так и по миру пустишь, змей!

– Накажи сына, чтоб рукам воли не давал, – посоветовал кот отцу. – Не то не миновать беды.

– А ты, советчик, уходи прочь! – крикнул Осколок и прогнал Силантия со двора.

– Не мешай нам забавляться! – стучали ложки-сестры ему вслед.

– Сестры, у меня в руках чертово пекло, – выдал он им секрет. – Этот адский огонь не пожалеет лесное тридевятое царство.

– Жало у Осколка! – захлопали ложки одна о другую. – Жало у Осколка!

Уселся в ложки Осколок-Змей и полетел в тридевятое царство.

Тем временем Силантий построил себе в лесу домик на вершине дерева и сдружился с небесной тучкой. Она помогала ему добрым словом. Кот заботился об ее отдыхе. Чтобы не потерять из вида небесную тучку, он смастерил подзорную трубу и наблюдал, как тучка поила матушку-землю струйками дождя.

Как-то раз кот заметил: у небесной тучки глаза на мокром месте.

– Кто обидел тебя, небесная дочка? – участливо спросил он.

– Осколок-Змей выжигает чертовым пеклом тридевятое царство, – пожаловалась она, – с небесными сестрами не успеваем тушить лес. сейчас уплыву далеко-далеко от земли, в океан. Если надо, позови заветными словами: “Тучка, тучка! Небесная дочка, приди ко мне для спасения!” – и трижды повтори.

– Чудовище! – ужаснулся кот. – Может, хозяин зверей спасет лес? пойду к медведю.

Тот в это время чинил берлогу.

– Труби сбор, хозяин зверей! – сказал кот. – Осколок-Змей губит адским огнем тридевятое царство.

Не хотелось медведю лишних хлопот.

– Ну и чего ты так беспокоишься, – ответил он. – Огонь еще далеко. Успеем потушить.

Побрел по лесу опечаленный кот, а мимо него пролетал дозорный лесного царства – шмель.

– Отчего печалишься? – зажуужал он над ухом кота.

– Медведь не велит бить тревогу среди зверей, мол, рано.

– Не тужи, кот, – успокоил его шмель. – Полечу я в разведку. А ты поспеши к дубу. Он наделит тебя богатырской силой. Сможешь ты победить Осколок-Змея.

От шмелиных слов полегчало у кота на душе, и он поспешил к дубу. Среди дубравы стоял могучий великан и защитник леса. Рассказал ему кот об Осколок-Змее, адском его огне и страшной участи лесного тридевятого царства.

– Обойми меня, – повелел дуб, – и будет в тебе сила!

Прислонился кот к дереву, налился богатырской силой и тут же одной лапой поднял дубинку, словно пушинку.

Вскоре с тревожной вестью вернулся шмель.

– Беда, кот! Нагрянул Осколок-Змей в наше лесное царство.

Обратился тогда Силантий с заветными словами к небесной тучке: “Тучка, тучка! Небесная дочка, приди ко мне для спасения!”. Трижды повторил, и предстала пред ним небесная тучка. Сел кот на нее с друзьями и понесся навстречу чудовищу. Дозорный шмель увидел в подзорную трубу Осколок-Змея на краю леса.

– Злодей на камне, – дружно показали они коту. – А вокруг него охрана из змеенышей.

Хромоножка как раз справлял свое возвращение домой. Ложки-сестры

хороводились с охраной.

– Держать в страхе и жалить лес и зверей, – шипели змееныши.

– Займемся детской забавой! – захихикал Осколок-Змей, выхватил луч у солнца и начал поджигать деревья, кустарники. – Слуги верные, раздувайте во всю мощь пожарище!

Охватил адский огонь лесное царство. Спустился кот с друзьями с небес на землю и говорит:

– Выходи на бой, бутылочное отродье!

Признал чудовище кота и кричит в ответ.

– Охрана, хватай его, бросай в огонь!

Набросились змееныши, деревянная и оловянная ложки-сестры на кота, и тут с неба обрушился ливень и потопил всех врагов в воде. Разом потухло чертово пекло. Небесная тучка закрыла собой солнце, и стал бессилён Осколок-Змей.

Размахнулся кот дубиной, ударил по бутылочному отродью и, когда рассыпалось оно вдребезги, растер в малюсенькие стекляшки.

Снова засияло солнце. Небесная тучка уплыла в океан. Шмель улетел к цветочным подругам. Мужик помирился с котом. А медведь пригласил всех на лесной маскарад.

ГОРОДСКОЙ ВНУК

Прикатил в деревню к дедам на автомобиле городской внук. То-то было радости. Поднялся горожанин утром с петухами. Окатился колодезной водой. Еще крепче и краше стал. Воскликнул дед.

– Ну и широк, Платон! Силен!

– Дай ему дело по плечу, – посоветовала бабка.

– Вон на дворе стоят козлы, пусть их собьет, – сказал старик.

– Будет сделано, – обрадовался здоровяк и уверенно направился с длинной веревкой к козлиному стаду.

Как раз в это время молодой козел мерился силой со старым, кому быть вожаком. Платон решил тотчас их вязать, пока заняты поединком, да заторо-

пился. Впопыхах заарканил себя и упал перед козлиными рогами. Затрясли соперники бородами и ринулись изгонять чужака прочь, желая поддеть на рога. От разъяренных козлов бегал Платон по двору. Только дед примирил противные стороны. Внуку выговаривал:

– Плотничать просил, а не бегать с козлами.

Затем старик научил сбивать козлы. Платон на них напил дров. Поленицу в крепость уложил. Стадо получило на зиму спасение от снегов, ветров, а дед с бабкой – тепло в избу.

Старик остался доволен внуком. Бабка угостила крынкой парного молока с румяным калачом. Дед пригласил Платона сесть рядом на завалинку. А внуку не сиделось – руки чесались работать.

– Потренирую тело, – поднял молот и начал буйно крушить древние камни, аж земля вокруг задрожала. Зашумело от грохота в голове стариков, от непривычки у самого Платона заложило в ушах.

– Пустое дело затеял. Оставь камни в покое, – прошамкал дед. – Лучше берись за валенки.

– А мы пока вздремнем часок, – вздохнула бабка, – утомил непутевницей.

Не расслышал Платон дедова задания и начал усердно насыпать землю на завалинку. Вскоре в избе наступила тьма. Завопила бабка:

– Конец света наступил!

– Как с иголкой, Платон, справляешься? – спросил старик.

Понял внук очередную оплошность.

Откидал землю назад и принялся за починку дедовых валенок. Потом отнес на чердак и по совету деда подвесил проветриться напротив слухового окна. В него услышал:

– Платон, объезди конька!

– Ладно.

– Когда наладишь, тогда и езд, – уточнил дед.

– Сейчас-то не дам маху, – откликнулся внук и полез на крышу.

– Ну-ну, – усмехнулся старик.

Платон уселся на гребень кровли и погладил конскую голову.

– У, не хватает только гривы, – пожалел он вслух, похлопал рукой по деревянному украшению.

Дед испугался:

– Зачем трясешь избу-то?

Глянул вниз внук и увидал, как молодой конь чесался об угол.

– Будешь моим! – И вскочил на него.

Под молодым седаком конь захрапел, вздыбился и пустился вскачь. Но ловкий всадник прильнул к нему, как азартный водитель к рулю, и умело управлял лошадиной силой. Немного времени спустя в руках внука был послушный конек.

– Платон, а ты бравый молодец! – похвалил старик.

– Пора и женить, – ласково добавила бабка.

– Да я за этим и приехал, – признался горожанин.

Выбрали пригожую невесту. Свадьбу сыграли. А деды подарили молодоженам коня-скакуна.

МАЛАЯ РОДИНА ПЕРВОЦВЕТА

Глеб Лидин

Ученик 10 "б" класса лицея г. Зимы

*"И ты, огневая стихия, безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия – Мессия грядущего дня!"*

А. Белый

Я ЖИВУ В РОССИИ

Я русский, я живу в России, я люблю свою Родину. Мне легче написать эти слова, чем произнести их. Потому, что все слова, даже самые важные "в привычку входят, ветшают, как платье". Сейчас все кричат: "Бедная Россия, что с тобой сделали?" И уже стыдятся признать, что они русские. А я именно сейчас хочу признаться в любви к своей Родине, России. Хочу сказать, что она прекрасна каждой своей травинкой, сказать о том, что "березке каждой ножку рад поцеловать", сказать о том, как я был рад за свою Родину, оказавшись за границей и услышав: "О русские, мы любим русских".

Я думаю, что легко гордиться и любить свою Родину, когда она во всем блеске своей славы и силы. Куда труднее любить ее сейчас. Нет работы, нет денег, люди озлоблены, грязь, нищета, но все же "страну, с которой вдвоем голодал, вовек позабыть нельзя". Я думаю мне есть у кого учиться любить свою Родину "во дни печали".

Когда в очередной раз наступает "черный вторник" или "черный октябрь", я думаю о своем деде. Как он, пройдя через такие испытания, не озлобился и не переставал любить Россию, свой народ, свою малую Родину. Я хочу рассказать вам о нем.

В 23 года мой дед уже имел за спиной 8 лет сталинских лагерей. Как мог мальчишка 15 лет оказаться в этих жутких местах? А было все, на первый взгляд, очень просто: война, тяжелый, изнуряющий труд на железной дороге и постоянный, непроходящий голод. К фронту шли составы с хлебом, и один из вагонов "дал течь", "золотое" зерно сыпалось в грязь. Каково это было видеть голодному мальчишке, только одна мысль – спасти, уберечь. И подставил кепку, закрыл дыру. А потом был "добрый" следова-

тель и "добрый" сталинский закон, в народе этот закон называли "за колоски".

Только один раз дед рассказывал о том, как его допрашивали. Его заставляли выдать "банду грабителей", в которую он, якобы, входил. Самым "легким" из всего этого кошмара было мучение жаждой: его кормили "рисовой" селедкой и затем сушками, не давая пить.

Было и еще одно развлечение у "доброего" следователя: сажали мальчишку на табурет, у которого были только ножки и ребра, и не разрешали вставать и даже шевелиться. И вот на таком табурете он просиживал всю ночь, а утром его заставляли вставать и идти в камеру, сухожилия на ногах при этом разрывались, и боль захлестывала сознание. Вскоре был приговор: участнику "банды грабителей" 8 лет строгого лагерного режима. Что такое 8 лет для пятнадцатилетнего мальчишки – это почти вся жизнь. Что было потом? Был этап, бараки, "урки", "воры в законе" и такие же растерянные мальчишки, как и он. Как можно было выжить в этом аду и не сломаться? Может быть помог его прекрасный голос. "Урки" – народ сентиментальный, и дед пел, пел и на работе, и по ночам, за что прозвали его "соловушкой". Его любили слушать не только "урки", но и лагерное начальство и, как великое благодеяние, послали его на лесосплав.

Хотя "благодеяние" слишком громко сказано, была тяжелая и опасная работа, голод. Но была молодость, и восемь лет кошмара позади. Уже шесть лет, как нет моего деда, а река жизни продолжает бег. Любая, даже самая чистая река в половодье несет ветки, щепки, грязь, но пройдет время, и вновь – она светла и величава. Я верю в Россию.

ЮНОСТЬ ГЛАЗАМИ ПЕРВОЦВЕТА

Алексей Акишин

Участник нескольких областных совещаний молодых литераторов, член Союза писателей России.

ГУРТ

Повесть

ИЮНЬСКИЙ полдень. Тихо, безветренно. Жара нестерпимая. Искупаться бы, нырнуть с разбегу в глубокую прохладу пруда и долго-долго плавать.

Но Миша Березин не покидал огорода, таял и таял окучкой по иссохшим и окаменевшим картофельным междурядьям.

– Попустился бы, паря! – окликнул его из-за тына дед Евсей, возвращающийся с рыбалки. – Припекает шибко. Али тебе палка дана? Вечером одолеешь.

– Вечером некогда, – распрямившись, ответил Миша.

– А-а-а, – догадливо усмехнулся дед. – Вечером у вас крали да трали-вали в клубе.

– А то как же! – рассмеялся в ответ Миша.

– Тогда, парень, поспешай, не то всех девок до тебя расхватают или оставят какую корявую, небаскую самую, – подбодрил его дед Евсей и молодцевато пошагал по деревне.

Мише оставалось окучить две грядки, и он хотел довести дело до конца, чтобы вечером со спокойной душой отправиться в клуб, а утром дрыхнуть или просто валяться в положочке сколько захочется. О предстоящем вечере думалось неотступно. Еще бы! В клубе летом особенно весело, людно – молодежи мест не хватает. Приходят пешком, на мотоциклах и мопедах приезжают, а Генка Верховой из дальней деревни на молоковозе, как на легковушке, к самому крыльцу подкатывает: смельчаки всю цистерну

облепят и в кабине еще битком. Генка – верста коломенская – выходит из кабины, принимает девчат, бережно ставит их на землю. Девки визжат, хохочут – щекотливые, видать, у него руки, а потом стряхивают с себя пыль и, словно молодые курочки, семят, топают каблучками по ступенькам и скрываются в клубе...

Миша, обливаясь потом, бугрил и бугрил скованную жарой черноземину. Над грядками мельтешили бабочки, сновали шмели, над баней пищали и высовывали носы из скворечника молодые скворчата, на них лениво озирался покоящийся в борозде кот-лежебока. На улице гомонили и кидались пылью соседские мальчишки-дошколята.

Но Миша не останавливался, словно и не замечал всего этого – мыслями был в деревенском бревенчатом клубе. Ему виделось: сложенные одна на другую широкие тесаные скамейки, с шипением поет изрядно потрепанная радиолка, кругом никого – только он и белокурая хохотушка Нина-горожанка. Он в белоснежной рубашке (которую мать не разрешает пока носить и бережет для будущего выпускного вечера), в остроносых черных ботинках. Она – в коротком сиреновом и очень ярком платье с широким кожаным поясом.

Миша танцует с нею, осторожничают, старается быть ловчее, но вот досада: то на ногу Нине наступит, то спиной о стену шаркнет. Она весело смеется, называя его медведем. На щеках ее появляются ямочки, большие завораживающие глаза искрятся. Он на мгновение тушует, а потом тоже

смеется, забыв про свою неуклюжесть и неумение танцевать...

Познакомились они только вчера. В клуб Нина пришла впервые. Пришла одна. И, когда завели музыку, она осталась сидеть на скамейке. Деревенские парни сробели, а Миша, переборов в себе несмелость и стеснение, подошел к незнакомке. Она словно того и ждала: встала с места легко и быстро, как бы вспорхнула, без отнекиваний и ужимок. И они мигом оказались в круговороте танца.

— Как звать тебя? — заговорила она первой.

— Мишкой, — ответил он.

— А меня — Ниной. Хотя можно и по-вашему, по-деревенски — Нинкой. Я необидчивая. А можно и... Нинушкой. Меня бабушка так величает. Она рядом живет — Анна Степановна. Знаешь ее?

— Здесь все друг дружку как облупленных знают. Как же ее не знать.

— Ты учишься или работаешь?

— В десятый перешел.

— И я — тоже! — обрадованно воскликнула она. — Одноклассники, значит!

Танцевали еще и еще, играли вместе со всеми, а потом под шушуканье деревенских девчонок вдвоем шли к ее дому.

— Как здесь чудно! Интересно, весело и воздух чистый, не то что у нас на Урале. А люди, — не умолкала она, — такие добрые, милые. Вчера мы с мамой приехали, и вся деревня, наверное, у нас перебивала. Одна тетенька пирогов принесла горячих, а другая, — Нина округлила перед собой тонкие руки, — во-о-от такую чашку меду принесла. Вкусный-вкусный!

— У нас все такие, — горделиво ответил Миша. — Все друг с дружкой гостятся и знают.

Он хотел сказать ей еще что-то, но не успел.

Горожанка, подойдя к дому своей бабушки, махнула ручкой и юркнула в калитку.

— До завтра!

— До завтра, — в полголоса и с грустью отозвался он.

...Но вышло все по-иному. Когда Мише оставалось окучить полгрядки, перед ним будто из-под земли вынырнул одноклассник Петька Горшков и давай уговаривать его взять гурт в работу.

— Пять-шесть дней идешь, и сто пятьдесят, а то и двести в кармане! — восторженно говорил он. — Фотоаппарат себе купишь... "Зенит". Или лучше мотоцикл. Двести получишь, а остальное у бабки выклянчишь. Или не добавит? Пойдем?

Гонять скот в город для Петьки было делом знакомым: прошлым летом с гуртом ходил. С неделю было не видно, не слышно его в деревне, а потом появился, и с самого утра и до сумерек из окон его дома на всю улицу гремела музыка — радиолу себе купил да еще пластинок кучу. А когда в школе рассказывал об этом походе — все рты поразевали.

— Идем! Чего ты боишься? Двадцать-тридцать километров в день разве много? Не набегаясь. Они хоть и на живодерню, а идут как миленькие — тихо, смиренно... Город посмотришь. А краля твоя городская дождется — до сентября-то можно десять гуртов сгонять. А тут всего раз сходить.

— Кто меня возьмет? — нерешительно спросил Миша. — Там, наверно, охотников на это дело хоть отбавляй.

— Чудак же ты? С бухты-баракты, что ли, зову? Я только оттуда приехал. В райцентре был, на всякий пожарный и в Заготскот заскочил. А там — коров, как тараканов у бабушки за печкой, полон загон! Старший по гурту есть — знаю я его, выпить он не дурак, а вот погонщиков — пшик, искать, сказали, надо. Ну я и наслался, тебя предложил. Ждать будут.

— Может, меня дома не отпустят, — все еще не соглашался Миша, продолжая втайне думать о предстоящем вечере, о встрече с белокурой горожанкой. "Сколько же дней я ее не увижу?"

— Чего тебя дома, как теленка на привязи, держат! Картошка, считай, окучена, до сенокоса палкой не добросить, — сделав большие глаза, тараторил Петька. — Или у вас дома денег куры не клюют? В городе побываешь, на самолете полетишь.

— Ну, если отпустят — пойду, — без особой охоты ответил Миша. — Танцы, значит, тю-тю — срываются...

— Что тебе эти танцы-матанцы! — обрадованно и живо заговорил Петька. — Да она же все лето здесь гостить будет. Сапоги надевай, рюкзак с собой и жратвы какой-нибудь не особо портящейся, — продолжал

он начальственным голосом. – Спичек в клеенку заверни, плащ обязательно – вдруг дождь хлынет, а то и засиверяет. Давай собирайся! Сегодня поедem. Генка Верховой молоко на завод вечером повезет и нас прихватит.

Мишу дома не отговаривали.

– Сколько получишь – все твое. Только на безделушки деньги не трать. Если мотоцикл вздумаешь брать – возьмем, – рассуждал отец. – Глядишь, когда и я вдоль деревни форсану. Твоих денег не хватит – добавлю. Премия мне тут должна выйти, если в конторе не объегорят...

Миша стал собираться в дорогу. Сложил в кучу все, что велел Петька, а рюкзака нет. Давно собирались купить, да откладывали на потом: то дорого казалось, то в магазине не было. Выручил зашедший на беседки дед Евсей.

– И без рюкзака можно обойтись! Зачем он вам? – Пожал плечами дед. – Я с германцем воевал, а потом всю жизнь по лесам да рекам шастал и без него. Найдико, Нюшка, – уставился он на Мишину мать, – котомку небольшую, но крепкую, полотенце длинное, тонкое да пару картошин. Я вам зараз такой рюкзак устрою – не хуже базарского.

Мишина мать порылась в шифоньере, в сундуке, спустилась в подполье и вынесла все, что просил дед.

Он так и смяк покрутил в руках плотный клетчатый мешок, домотканый льняной рукотерник, оставшийся от бабушки.

– В самый раз, – сказал он и принялся за работу.

Картошины дед Евсей положил внутрь мешка, разместил по нижним углам, а затем перетянул их концами полотенца.

– Вот те и рюкзак! На кой ляд деньги на его держать, коли самому это сподручно сделать, – хвалился он. – Надежа большая, да и удобства есть – рожу на ходу вытирать можно, плечи меньше режет, чем кожей-сыромятиной, ремнем-плеткой. Зачем рюкзак?... Лучше на эти деньги рюмочку после баньки приглубить.

Пока Миша укладывал мешок, дед Евсей сходил домой и украдкой от своей жены вернулся обратно.

– Значит, Михайло, в городе будешь? Тогда уважь меня, старика, – подойдя вплотную, вполголоса заговорил он. – На

двадцать рублей купишь мне там коньяку армяцкого. Век прожил – не пробовал, а желание имеется. Гаврила – балалайка бесструнная – сказывал, что он, этот армяцкий коньяк, клопами давленными пахнет, будто и гонят-то его не из картошки или винограду, а именно из этих вонючек. Говорит он так и ведь не краснеет, глазом единым не моргнет, а я ему все равно не верю, нет. Пахло бы этими клопами, так нешто пить его стали? А ведь пьют, за ворот никто не льет. Начальство, говорят, очень его уважает. Так? Или у него, у начальства, губа дура? Мелет Гаврила несусветное, ей-богу, мелет... Купи, Михайло, проверю. Тогда я его, болтуна, при всей деревне на чистую воду выведу!

– А мне продадут? – не зная, брать или не брать от деда деньги, спросил Миша.

– Как это не продадут? – встрепенулся дед Евсей. – А ежели не будут давать, на дыбы встанут, ты им так и скажи, что, мол, дед Евсей заказывал, которого весь сельсовет наш знает, что, может, ему и жить-то осталось – плюнуть да растереть и что, мол, он Гавриле нос утереть хочет. В городу люди понятливые, поймут. Ты только не забывай, а что сдачи дадут – себе бери. Леденцов купишь или конфет каких. Да подальше, подальше денежки положи – ближе возьмешь. Там всякие мазурики водятся – обчистят и спасибо не скажут.

Натузив мешок под завязку, Миша посмотрел на часы: “Успею, точно успею”. Он, крадучись от матери, нарвал в палисаднике букет цветов, выбирая самые яркие и душистые, огородами убежал в соседнюю деревню – туда, где по вечерам допоздна были танцы, где рядом с клубом гостила приехавшая на каникулы Нина-Нинка-Нинушка.

“Вот обрадуется, удивится. А вернусь – нарву целую охапку или, может, из города привезу еще красивее...”

Она, увидев его, выскочила на улицу. Миша, запыхавшийся и немного смущенный, протянул ей букет. Нина окунулась лицом в цветы, потом оторвалась и восторженно произнесла:

– Спасибо, Мишенька! Мне таких букетов еще никто не дарил...

Обратно он бежал впробеги, стараясь не опоздать. Но под окнами уже стоял

молоковоз. Генка Верховой сидел на обочине канавы и разговаривал о чем-то с дедом Евсеём.

— Ну вот, — увидев Мишу, по-старушечьи заворчал Верховой. — То одного не было, теперь другого искать надо. Носятся, как чумные. Иди теперь Петруху ищи! А то я долго телиться с вами не буду — некогда.

Петька появился через минуту. Они сели втроем в кабину молоковоза, и машина круто взяла с места, оставляя за собой плотный шлейф пыли. Дед Евсей, чтобы не запорошило глаза, отошел от дороги к тычиннику и помахал им рукой.

* * *

В райцентре у Петьки Горшкова была родня. У нее и переночевали. Утром, когда солнце едва выплыло над дальним лесом и еще не растопило устоявшуюся за ночь прохладу, направились в Заготскот. В селе было пустынно, тихо. Роса, густо осевшая на траву, предвещали погожий день.

Контора была еще закрыта, но живший рядом сторож уже ковырялся в огороде и, увидев ребят, подошел к ним.

— С гуртом собрались?

— Да, — с независимым видом ответил Петька и поставил рюкзак на ступеньку крыльца. — Вчера договорились.

— Зря, наверно, пришли, — несторопливо проговорил сторож. — Старшому вашему опять шлея под хвост попала. Вчерась тут, как зюзя, болтался. Отправлять надо, а он, прохвост, запил — ни дна бы ему, ни покрывки!

— Это Безменов? Анатолий? — живо поинтересовался Петька.

— Он самый.

— Так он в прошлом году до самого города трезвехоньким не бывал. Всю дорогу пьет да песни горланит, а то — спит беспробудно.

В калитке, шуриша плащом, появился начальник Заготскота. Он шел быстрым размашистым шагом, за ним семенили два мальчугана. Один — остроносый, шупленький, другой, наоборот — пухлый и круглолицый, смахивающий чем-то на девчонку. “Надень на него платье да косынку повяжи и — точь-в-точь Танька-

толстушка из восьмого класса”, — подумал Миша.

— Приехали? — спросил начальник, остановившись у крыльца.

— Вчера еще! — залпом выпалили они.

Но начальник будно и не слышал этих добрых голосов. Он задумчиво смотрел на томящуюся в загоне скотину.

— М-м-мда, — прикусил он губу. — Как быть? Как быть?

— Отправлять как-то надо, — осторожно произнес сторож. — Сколько еще времени морить будем? Я ведь не двуязыльный, на такую ораву травы не натаскаю и пасти сил нет. Да и места...

— Заходи, ребята! — Начальник рубанул воздух ладонью. — Вместе решать будем.

Он грузно и шумно ввалился в контору и сел за длинный дощатый стол. Мальчишки расселись на скамейке напротив него.

— Дела у нас с вами, ребята, неважные, — начал он, всматриваясь в каждого. — Безменов — он должен был идти с вами — запил. А коров, хоть помри, а гнать надо — двое суток и так голодом простояли. И график еще поджигает — двадцать пятого они должны быть там — на мясокомбинате. Что будем делать? Сможете день-два одни пройти?

— А мы, — смело заявил Петька, — хоть до самого места гурт доведем. Что тут такого? Я в прошлый год ходил. Знаю, где и чего. Только бы там кто встретил, а то в городе можем заблудиться...

— Как вы? — Начальник испытующе посмотрел на остальных. — Сдюжите? Небось, небывалые.

— Угоним, — ответил пухленький. — Они же сами пойдут, только в поле да в лес не пускать.

— Тогда договорились, — вздохнул начальник полной грудью. — Сейчас вы отправляйтесь, а Безменова, черта рогатого, я вам вдогонку пошлю — не сегодня, так завтра. Пусть, как хочет, так и настагает. Шкуру с него спущу, как протрезвеет!

Петьку он назначил старшим до прихода Безменова, пояснил ему все места стоянок, выдал сопроводительные бумаги и сто пятьдесят рублей.

— Расценки помнишь?

— Так точно! — по-военному ответил Петька. — Десять копеек за корову.

– Смотри, не переплачивай, не сори деньгами. Мы им и так за содержание загонов немало валим. Понял? Тогда с богом, ребята!

Коровы, настоявшись в вытоптанном, пыльном загоне, шугая друг друга, бурным потоком ринулись на улицу.

– Догоните до реки, – напутствовал начальник, – попасите часик-другой. Никто за это не заругает. Накормите, а потом прямехонько по дороге. И еще, – предупредил он погонщиков, – есть тут одна комолая корова. Хромает она. Смотрите, чтобы где не отстала.

После кормежки коровы успокоились, пошли смирно, не шарахаясь по сторонам, лишь иногда скучивались, жадно припадая к позеленевшей застоялой воде. Встречные машины пережидали, когда пройдет все стадо. Но идущие сзади досаждали – погонщикам приходилось бежать впереди машин и отгонять коров в сторону, освобождая дорогу.

Петька, назначенный старшим, гордо вышагивал впереди гурта.

– Не отставать! Не растягиваться! – покрякивал он, оборачиваясь назад.

– Пошли! Пошли давай! – вторили ему голоса с другого конца стада.

Последней ковыляла рослая безрогая корова. Она заметно прихрамывала на заднее копыто. Миша, замыкая колонну, не торопил ее, но когда она слишком отставала, легонько задевал длинным ивовым прутком. Комолая, еще сильнее храмая, ускоряла ход, нагоняла стадо и терялась среди коров. Но вскоре она вновь оказывалась в хвосте гурта.

Около полудня с дороги свернули и, минуя молодой неокрепший березняк, выбрались на обширную поляну, покрытую густой нетронутой травой и редкими низкорослыми кустами.

Коровы быстро наелись и улеглись.

– Уста-а-али, – оглядывая поляну, протянул Петька. – Пусть отдохнут. Еще столько пройдем и на ночлег – километров десять осталось. Как вас звать-то? – обратился он к присевшим в сторонке незнакомым попутчикам.

– Меня – Витькой, а его – Лехой, – ответил за обоих худощавый и добавил: – Восемь классов нынче закончили.

Старшой назвал себя, Мишу и стал разводить костер. Он был доволен и важен: среди всех четверых старший не только по должности, хотя и временной, но и по возрасту.

Сухие березовые и ольховые валежины горели беззвучно. Они будто таяли в невидимом при солнце огне. На костре поджарили нарезанный квадратиками черный хлеб, он приятно хрустел, пахнул дымком. Леха достал из рюкзака копченое сало, Миша вывалил к общему столу сочный зеленый лук. Витька начал было ковырять ножом банку рыбных консервов, но Петька остановил:

– Не открывай! Это не испортится, на потом оставим. У нас еще дорога ох какая дальняя.

Они пообедали, затушили головешки зелеными ветками, по приказу старшого затоптали тлеющие угольки, чтобы огонь по прошлогодней траве не перекинулся в лес, и улеглись под кучерявой ветвистой березой, положив в изголовье полегчавшие рюкзаки. Здесь пискливыли комары, но было прохладнее и свежее.

– Встают, – приподнявшись на локтях, заметил Миша. – Значит, и нам пора.

– Лежи. Рано еще, – деловито проговорил Петька. Это самые жоркие подымаются, а остальные полежат. Знаю я их...

Дальше дорога пошла ровнее. Из-под множества копыт фонтанами поднималась пыль. Было душно, жарко, а когда проезжали машины, то и вовсе становилось нечем дышать. Миша, по-прежнему шедший позади стада, то громко кричал на отстающих коров, то отворачивался от очередной пыльной волны. Его коричневые брюки стали белыми, будто густо напудренные мукой.

Коровы двигались медленно. Комолая уже не бросалась боязливо от Миши – отмахивалась хвостом от прутка как от назойливой мухи и, тяжело дыша, хромала и хромала. Из ее тугого покрасневшего вымени струйками брызгало молоко, вычерчивая на дороге извилистые и рваные линии.

– Вот тебе и недоюхи! – с удивлением присвистнул старшой, глядя на молочные

разводы под ногами, которых становилось все больше.

Теперь и он шагал вместе с Мишей – коров сдерживать уже было не надо. Они плелись одна тише другой.

– Доить придется, а то завтра они не ходюки будут.

– Доить? Мы? – Леха ошарашенно посмотрел на старшого. – Я не умею.

– Петька в ответ только хмыкнул: ничего, мол, научишься за неделю – хитрого ничего нет.

К месту стоянки в пустой, заброшенной деревне пришли под вечер, когда жара уже обессилела, спала. Перед деревней коров накормили на поросшем сорняками паровом поле, сгоняли на водопой к спрятавшемуся в редколесье приду, а потом заперли в загон.

– Ночевать будем здесь, – сказал Петька и забрался по лестнице на поветь старого коровника.

Здесь было сумрачно, пахло прелью, гнилым старым навозом.

– Сгружайтесь по-быстрому, – не давал передохнуть старшой, – и на дойку. Нечего коров мучить. За что им кара такая – недоеными-то ходить?

Леха, забравшись на поветь, пошарил в рюкзаке и вслед за всеми спустился в загон.

– А кружка зачем? – удивился Петька.

– Так.

– Ты что – думал, мы в карманы или в кружки доить будем? На землю! Лишь бы почиркать сколь-нибудь, чтобы совсем не отяжелели.

– Тогда я пить буду. Можно?

– Пей на здоровье, – усмехнулся старшой. – Может, поправишься за дорогу, а то, сморти, худоба какая. Отъешься на казенном молоке и будешь, как Витька, – мать не узнает. – Петька оглядел стадо и добавил: – Их здесь сто пятьдесят, а дойных, может, половина, может, меньше – кто считал.

Доили все четверо. Ловчее всех управлялся Миша. Прошлым летом, когда мать целый месяц была в санатории, он утром и вечером брал в руки подойник и уходил доить корову. Возвращался с полным ведром парного пенящегося молока.

Леха боязливо подлаживался то к одной корове, то к другой, но те фыркали

на него, угрожающе мотали головами. Он трусливо отбегал в сторону. Наконец-то нашел ленивую, смирную корову и все же не без опаски принялся доить. Кружка быстро наполнилась молоком. Он выпил ее вприкуску с хлебом – горбушку предусмотрительно заранее в карман сунул. Надоил вторую, но корова неожиданно вздрогнула и скрябнула ногой по земле, зацепив Леху копытом. Он упал. Кружка вырвалась из рук, обдав его молоком, и, глухо позванивая, покатила по засохшей, унавоженной земле.

Витька, доивший рядом с ним хромоногую корову, захихикал:

– Ну что, дояр, досталось на орехи?

– А ты с другой стороны к ней подойди, – посоветовал Миша. – Коровы – они тоже ученые: только с одного бока подпускают, а с другого – не всякая дается.

Леха чуть было не расплакался от боли и досады, от Витькиной насмешки. Он махнул рукой на укатившуюся под ноги коровам кружку и, послушавшись совета, вновь стал доить корову-обидчицу, сцеживая молоко на прогретую за день землю. Корова стояла не шелохнувшись. Под ногами становилось сыро и вязко.

Доили часа два. Весь загон покрылся большими темными пятнами, парил. Коровы улеглись и беззвучно пережевывали траву. Солнце уже едва проглядывало сквозь частокол подступающего к дороге ельника. Близился закат, становясь все багровее и багровее.

Они вновь забрались на поветь и стали укладываться спать. Петька, прежде чем укрыться сглуха плащом, отломил увесистый кусок хлеба и откинул его в самый дальний угол.

– Зачем это? – Леха захлопал глазами.

– Спи и не спрашивай! – шикнул на него Петька. – Свинарник тут рядом был – крыс и мышей тьма-тьмущая. А они, если голодные, хоть бы хны укусить могут. Поэтому пусть хлеб едят, а нас в покое оставят.

Леха после этих слов долго не мог заснуть, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Сон брал свое, но откуда-то издалека доносились глухие раскаты грома. Леха вновь открыл глаза и приподнял голову.

– Ты чего вертишься? Спать не хочешь? – проснулся Петька.

чонкой, заливаясь слезами и твердит одно по одному: "Не буду, не буду больше!" А старшой все лупит и лупит.

– Идите к костру! – по очереди позвали их Петька и Миша.

– Пошли, там теплее, – не глядя на Витьку, проговорил Леха.

Через час они выпустили коров.

Всю дорогу их сопровождали дальние-предальные раскаты грома – едва слышные, глухие – да надоедали машины. Их словно прорвало: шли одна за другой, а то и длинными вереницами.

Одни шофера проезжали молча, сбавляя скорость и пережидая появившихся перед капотом коров, другие – сердитые и нетерпеливые – крепко матерились, грозили кулаками, когда мальчишки не успевали освобождать путь. Коровы, как назло, устало брели по всей ширине дороги и упрямо останавливались перед машинами, будто хотели померяться с ними силами, и в ответ на непрерывные сигналы нагибали головы, выставляли вперед рога. Погонщики не успевали, шофера выскакивали из кабин и без жалости лупили коров кривыми заводными ручками, пинали кирзачами. Но те не убежали, спрятав хвосты промеж ног, а нехотя отходили в сторону и вновь разбредались по всей дороге.

Над стадом плыли редкие, отливающие синевой облака. Погода пыжилась, где-то за лесом по-прежнему рокотало.

Леха с тревогой поглядывал на небо.

– А если гроза, что будем делать? – пытаюсь скрыть свой страх, спросил он у Петьки.

– В лесу переждем.

Но старшой и сам после каждого отголоска грома окидывал взором небо, предчувствуя что-то неладное, торопил стадо, покрикивал на погонщиков. Когда у дороги появлялась луговина, коров сгоняли с проезжей части и правили стороной. Тут было спокойнее – не мешали машины, но зато местами приходилось продираться сквозь непролазные кусты и заросли молодого, стоящего стеной ельника, перепрыгивать через глубокие канавы и журчащие ручейки.

Комолая едва тащилась за стадом, которое из-за нее приходилось придерживать. После обеда захромал, припадая на правую ногу, Витька.

– Чего с тобой? – спросил Петька. – Под комолую подделываешься?

– Ногу, наверно, стер, – промямлил тот.

– А ну, скидывай сапог!

Витька послушно сел на траву и стянул сапог. На пятке у него темнела и сочилась сукровицей мозоль.

– Портянки надо было брать, дурень! – выругался Петька. – На танцы, что ли, собрался?

Он подозвал к себе Мишу и показал рукой на хромого.

– Смотри, как обмозолился. Ему теперь не дойти будет. Сапоги, чудак, на босу ногу надел – с одним носком, да и то дражным...

– Да дойду я. Ничего, – жалобным голоском протянул Витька.

– Это еще посмотрим, – ответил старшой и вновь обратился к Мише: – Может, отдашь ему свой мешок? Полотенце на одну ногу наматает, а мешок – на другую. Все-таки лучше будет.

Миша посмотрел на босую ногу Вити.

– Ничего себе, мозолища! А мешок, мешок-то бери, разве мне жалко!.. Выстирается.

– Да ты, Витьк, не хнычь! – ободрил его Петька, когда тот снова обулся. – За хвостами больше не бегай – мы тебе выправим комолую на дорогу, и потихоньку иди-те с ней, ковыляйте, как можете.

– Я же не знаю, куда идти.

– Найдешь! Загон на самом краю села – увидишь. Да и не спеши очень – встретим.

Комолую выпроваживали на дорогу вчетвером. Она хоть и отставала, но никак не желала отбиваться от стада. Витька выманил ее наверх куском хлеба.

...Бабушка Дуня – рослая и еще по годам крепкая старуха – уже поджидала гурт. Увидев бредущее в облаке пыли стадо, она помогла погонщикам запереть коров.

– А старшой где? – спросила она, выискивая глазами кого-нибудь из взрослых.

– Я! – твердо отрапортовал Петька.

– Шибко молод чего-то. А где Натоллий? Поди, керосинит.

Мальчишки ухмыльнулись.

– Письмо вам с машиной послали, – сказала она и передала Петьке конверт. – Дойные-то есть? Много ли их?

– Хоть отбавляй!

– Вот и слава богу, вот и хорошо.

Петька разорвал конверт, и в руках у него появилась крохотная, с календарный листок записка. На клочке какого-то бухгалтерского бланка было выведено мелкими угловатыми буквами: “Идите пока одни. Комолую можно оставить – потом заберем. На следующей стоянке возьмете лошадь – осталась от другого гурга. График сдачи – двадцать пятого”.

– От начальника?

– От него самого. Привет всем передает. А еще лошадь завтра у нас будет.

– Вот покатаемся! – обрадовался Миша и тут же спросил: – А где Безменов?

Петька пожал плечами.

– Сказано, идите пока одни. А он догонит, куда денется! Главное, Витьку завтра наездником сделаем, чтобы не хромал, а восседал на лошади, как Соловей Разбойник или Алеша Попович.

– А мы всю дорогу пешком пойдем? – тихо спросил его Леха.

– Лошадь зараз четверых не увезет, значит, пешедралом, – съязвил Петька. – А Витька – хромой. Пусть и едет на ней до самого города.

Бабушка Дуня передала письмо и тут же ускользнула от погонщиков. Ей было не до расспросов. Она с подоином и с маленькой скамеечкой, вытесанной из суковатого слового чурака, мышкой юркнула в загон и принялась доить коров, выбирая ту, у которой вымя распухло и стало похоже на пузатую, взбитую подушку, а из поцарапанных, запыленных сосков самотеком сочилось молоко.

К загородке подошла пожилая женщина с ведром в руке и, отыскав взглядом бабушку Дуню, окликнула ее:

– Семеновна, может, помочь тебе? Гости у меня сегодня приехали... С ребятами малыши.

– Нет! Нет! – отмахнулась от нее хозяйка загона. – Сама управлюсь! Дойных-то сегодня почти и нету.

– Тогда хоть не все продавай, оставь нам трехлитровочку.

– Подою – и приходите. Да поспешайте – набегут, все растащат. Хранить я не буду.

Петька рассмеялся.

– Будь тут все дойные – и к воротам никого не подпустит, – вполголоса сказал

он. – А потом торговать будет до полуночи. Знаю я ее, скупердяйная старуха.

Отвернувшись от загона, Петька достал из потайного кармана семнадцать рублей и протянул их Мише.

– Я пойду Витьку встречу, а ты отдай ей деньги, как из загона выйдет. А то она, наверно, одним глазом в подоинок смотрит, а другим – на нас: как бы не объегорили. В прошлый раз, куда деньги не пересчитала, и в избу не пустила...

Петька выбрался на дорогу, приложил руку козырьком: дорога была ровная и прямая, просматривалась далеко, но на ней было пустынно – ни машин, ни Витьки с коровой. Оттуда, издалека, выплывала плотная синь.

Он торопливо пошел ей навстречу, но идти пришлось совсем ничего. Метров через пятьсот из придорожных кустов слышался Витькин голос:

– Здесь я!

Он сидел около ручья, опустив босые ноги в прозрачную воду. Рядом лежали сапоги, сложенные голенище в голенище, поодаль меж кустов не отрывалась от травы корова.

– А я уж думал, что ты заплутал, – обрадовался Петька, спускаясь с дороги.

– Оголодала, – кивнул Витька на комолую. – Пыль не пыль, а каждому клочку на дороге начала кланяться. Вот и согнал сюда. Здесь хоть травка чистая и вода есть.

– Как нога?

– А я босиком шел. Так – лучше.

– Могу порадовать: завтра из тебя казака сделаем – лошадь у нас будет. Сядешь на верховую. И тебе хорошо, и нам красота – не бегай за каждым хвостом сломя голову. Бывал верхом?

– Нет, – хмыкнул Витька. – Но управлюсь – не машина какая.

Комолая напилась в ручье и подошла к ним, протягивая влажную морду то к одному, то к другому.

– Хлебушек понравился. Да нету у меня больше. – Витька развел перед нею руками. – Смотри, какая умная! У нашей бабушки такая же, а у соседки ихней – у-у-ух! Как зверь! Бодается – близко не подходит. Даже хозяйку свою однажды посреди улицы рогом зацепила. А эта... Малютка, Малютка, как тебя... Пойдем. Хватит, поели травки.

Они встали, не спеша пошагали к дороге. Корова, покачиваясь, потянулась за ними.

На крыльце у бабушки Дуни вовсю шла торговля – бабы, ребятишки суетились вокруг нее с бидонами и банками. Она разливала в посудины молоко, пересчитывала каждую копейку и ссыпала мелочь в отяжелевший карман фартука.

В доме был один Леха. Он сидел у окна, втянув голову в плечи, и боязливо смотрел в сторону дороги. Там уже полнеба затянуло темной грозовой тучей.

– Пришли? А то сейчас такая гроза будет... – не оборачиваясь на вошедших, проговорил он.

– Весь день за нами гналась, а теперь не страшно – коровы в загоне, мы – под крышей, – ответил Петька, оглядывая избу. – А Миша где?

– Коров доит. Все равно, говорит, эта бабка до грозы всех не успеет.

– А молоко ей отдаст?

– Кому же еще! Он хотел одной тетке в банку налить, так эта бабка поднялась – чуть за шкуру его из загона не выволокла. Он перестал, было, доить, да снова ушел – коров пожалел.

– Идем, поможем, а то вот-вот шандарахат начнет.

Дробью простучали по крыше крупные капли, и дождь хлынул стеной. Матовый ослепительный свет выхватил на мгновение в наступившей полутьме и бабушкин дом, и загон, сделанный из ошкуранных еловых жердей, и сбившихся в кучу коров, и каждую травинку. Оглушительный гром с треском и посвистом встряхнул землю.

У крыльца не осталось никого. Бабушка Дуня спешно прятала молоко на мост. Погонщики акробатами перемахнули через забор и влетели в избу. На улице полыхало, почти не переставая. Дом вздрагивал от близкого оглушающего грома, под окном зашумела вода.

Леха закутался с головой в пиджак и сел в угол подальше от окна. Бабушка Дуня, наспех закрыв полотенцем полированные дужки кровати, самовар и зеркало, сидела на скамейке и нашептывала себе под нос, беспрестанно крестясь.

Гроза бушевала долго. Потом гром стал помаленьку затихать, уходить за село. Дождь ослабел и вскоре перестал.

– Ты бы, старшой, сходил да проверил – все ли там чередом. А то вон оно как бабахало да лопало. У нас зараз когда-то на Ветлуге двух телят насмерть молнией зашибло. Тогда тоже, как переставление света, гроза была. Сходи, огляди кругом, – советовала Петьке бабушка Дуня. – Токо, смотри, молоко у меня не пролей.

А Петька и без того собирался пойти проведать: еще днем чем-то тяготили его дальние глухие раскаты грома, а тут так разыгралось.

Он походил около коров, проверил жерди-запоры – все было в порядке. Коровы, еще не отошедшие от грозы, бродили по загону, словно подбирая для отдыха место посуше.

Петька вернулся в избу и, не снимая верхней одежды, прилег на соломенник рядом с Витькой. На кухне слабо светилась засиженная мухами электролампочка, шептала бабушка Дуня, звенели монеты...

“Весь день пугало, а чего страшного? Все обошлось. И чего тревожился?...” – облегченно подумал Петька и отвернулся от тусклого света, струящегося сквозь занавеску.

После первой бессонной ночи и шумевшей грозы спалось крепко. И они, не понимая, что же произошло (уж не пожар ли?), вскочили с постели, будто ошпаренные.

– Па-а-рни! Па-а-рни. Вставайте! – верещала бабушка Дуня. – Вставайте! Коровы убежали! Ой! Что наделают, окояные! Что будет? Вставайте, парни!

Первым очнулся Миша. Очумелой кошкой он выскочил на крыльцо: загон был пуст.

– Чего там? – Чуть не сшиб его с ног вылетевший следом Петька.

– Ушли...

– Как ушли? – передернуло старшого. – Я же сам проверял. Все запорины до одной своими руками трогал... Догонять их, зараз, надо!

– Ой, ой, ой! – не умолкала бабушка Дуня. – Они же все огороды нарушили! Бегите быстрее да угоняйте их куда-нибудь подальше от дороги, а то мужики вам ребра пересчитают. И мне, дура старшой, из-за вас попадет... Сколько раз зарекалась загон держать. Ой, ой, ой!

– Бежим! – скомандовал Петька.

Они дружно сиганули за порог. На мосту плеснулось – забрякало по полу пустое ведро.

– Ох и загниголовые! Молоко пролили, слепошарые, – донеслось им вслед.

Погонщики один за другим миновали загон и скрылись в густом сизом тумане. Они что есть духу мчались по городам, сплошь перепаханым копытами. Не останавливаясь, пролетели мимо прошлогоднего стога, разметанного рогами до самого остожья, и оказались за селом.

Леха пыхтел, несколько раз спотыкался и падал, но все же норовил не отстать от старшего и Миши.

– Давай Витьку подождем, – на ходу предложил Петька, – а то отстанет совсем, и точно, как бабка говорила, поймают его и отлупят – такое даром не проходит.

– Заворы-то разгородил кто-то, – отдышавшись, проговорил Миша. – И жерди в сторону отнесены...

– Как разгорожены? Чего врать-то?

– Да я же смотрел, когда на улицу босой выскочил. Неужто коровы на рогах жерди перенесли и в кучу сложили? Руками сделано...

Из пелены тумана появился Витька. Он бежал вприпрыжку, держа в обеих руках по сапогу. Дождавшись его, Петька осмотрелся по сторонам, увидел свежую коровью лепешку и сунул в нее ладонь.

– Остыло уже. Давно, значит, ушли.

Он вытер руку о росную траву и распорядился:

– Ты, Витьк, особо не спеши – нагонись. А мы – айда по следам! Найдем их, спрячем где-нибудь в укромном овраге и тебя подождем. Голодные – далеко не уйдут, все равно где-то жрать остановятся.

Его предложение подтвердилось. Через час они уже сгоняли коров с насквозь пропитанного дождем и росой овсяного поля.

– В лес! В лес их гоните! Да побыстрее, покуда никто не видит. Пошли, пошли давай!

Поле опустело. Погонщики и коровы рассеялись в лесу.

– А ты чего плащ не одеваешь? – строго спросил Петька, увидев промокшего до нитки Леху.

– У меня нету. Дома оставил.

– На, одевай мой, забытха! – Петька скинул со своих плеч черный прорезинен-

ный дождевик.

– А ты как?

– Не сахарный – не растаю.

– Пошли! Пошли!

Остановили стадо в широкой и непроглядываемой с дороги лощине. Развели костер и, стоя у огня, сушили на себе одежду. Петька время от времени совал пальцы в рот и пронзительно свистел. Вскоре слышался тонким протяжным эхом Витькин пересвист, а затем на опушке леса показался и он сам.

– Нашли? Догнали? – первым делом поинтересовался Витька, подойдя к пылающему костру.

– Вона голубушка...

– А нажрались-то! Как барабаны с ножками.

Леха сидел у огня на корточках и, не вникая в разговор, молча ковырял прутом горящие угли. Одежда на нем уже подсохла и не парила.

– А где она? – оглядывая коров, озбоченно спросил Витька.

– Кто она?

– Комолая. С которой я вчера шел.

Петька пристально осмотрел стадо и, не найдя ее, спустился в лощину. Он обошел кругом: хромоногой коровы нет.

– Искать надо – отстала где-то.

– А, может, сама придет.

– Она одна до вечера проковыляет или застрянет где-нибудь. Сходи, Леха, встреть!.. – Петька умиленно глянул на него. – Я вперед схожу, проведу, посмотрю, что там и как? А они посторожат их здесь, чтобы снова тягу не дали.

Леха сморщил лицо, но не отказался.

– Только сам не заплутай, – предупредил его старшой. – И как найдешь ее – свистни два раза подряд.

Петька, отправившийся разведать дорогу, вернулся быстро и радостно сообщил:

– Дорогу нашел – от всех глаз скрыта. Высоковольтная линия неподалеку идет. По ней и шуранем. Просека там широкая, кустов, правда, лому всякого полно, но идти можно. Главное, что без криулей, все прямехонько и, наверное, до самой стоянки. Комолая объявится – и дунем по просеке. Ни машин, ни грязи, и не нагонит никто – холку не намнет за коровьи проделки. А к вечеру, Витька, лошадь – тебе, и знай-наяривай, крутись на ней казаком лихим...

Лехи не было. Не было и условленного свиста. Леха ушел и как сквозь землю провалился. Его ждали со стороны леса, откуда вышли на овсяное поле, прислушивались, всматривались – не замелькает ли среди берез с этой комолой обузой.

Лехино хныканье послышалось неожиданно и совсем не с той стороны. Он шел от дороги по вершине лога, шел зареванный, размазывая по щекам слезы вперемешку с кровью.

“Поймали, – испуганно подумал Петька. – Дурак же я, надо было самому идти!”

– Не пойду, не пойду дальше, – приговаривал Леха со всхлипами. – Не пойду...

– Налупили, что ли? – спросил старшой, глядя в его лицо.

– Н-н-нет, – зашмыгал носом Леха. – Корову эту... зарезали.

– Как зарезали? Кто?

Леха мямлил что-то невнятное, встряхивая правой рукой, но пальцам которой текла кровь.

– Говори толком! Чего ревешь, как девка!

– Я шел по следам, – немного успокоившись, начал Леха. – А ее все нет и нет нигде. Дошел до домов. Людей там в огородах полно – грядки поправляют, ругаются. Я – за огороды, кустами хотел до загона прокрасться, думал, туда она вернулась. А тут – собаки... В кустах... Рычат, дерутся. Ногу коровью таскают. Там и кишки валяются, и шкура ветками завалена. Маленькие собаки разбежались, а эта, большая, на волкодава похожая, за руку меня цапнула. Теперь, – захныкал он снова, – укол делать надо. Может, бешеная... Там, недалеко от загона, и зарезали ее. Не пойду, не пойду дальше!

Он присел к рюкзаку, развязал его и высыпал на траву все, что было: хлеб, консервы, крошившиеся пряники...

– Берите! Все берите, а я – домой...

– Леха, да ты что? Ты же меня уговаривал с гуртом идти, а сам? – затараторил Витька, но Леха не хотел и слушать.

– Нет! Нет! – слезно выкрикивал он. – Не пойду дальше!

Он сгреб здоровой рукой рюкзак, зашитый наскоро суровыми нитками, и засеменил по косягу.

– Вернись, Леха! – с неугасающей надеждой крикнул вслед ему Витька.

– Нет! – отозвался тот с полпути. – Вы ступайте, а я не пойду!

Видя, что его не вернуть, Петька сложил рупором ладони: – Про комолою начальнику расскажи!

– Может, конфет на дорогу дать?! – зло крикнул Витька и отвернулся, потушил взгляд.

На дороге Леха простоял недолго. Первая же попутная машина остановилась возле него.

Они молча проводили машину взглядом. Петька с бессильно опущенными руками подпирал в огонь выпадающие из костра головешки.

– Корову потеряли. Леха дал деру, – первым нарушил он молчание.

– А может, как его... Безменов сегодня подъедет?... – робко проговорил Миша.

– Жди да радуйся!

– Зато лошадь у нас будет – ты же сам говорил.

– До этой лошади дойти надо.

– Или не угоним? – Витька ободряюще глянул на старшего. – Я пойду, ведь не бегом бегать...

– А вдруг тоже дашь деру – выйдешь на дорогу и поминай как звали.

– Да нет! – живо отозвался Витька. – Не сбегу.

– Тогда: двое, трое – не один, – уже бодрее заговорил Петька. – Утек Леха, и черт с ним! Знать теперь будешь, какой у тебя друг. А ну, Витька, доставай конфеты, чай пить будем!

– Да нет у мсня, – сконфуженно ответил Витька.

– А чего тогда Лехе кричал?

– Да так, – снова замялся Витька. – Думал, может вернется.

– Заманить, значит, хотел, да не получилось? – Петька покачал головой. – Да хоть о комолой расскажет – и то ладно. А чай и с сахаром поьем – чего-чего, а этим я запасаюсь...

Просекой коровы не шли. Она была сплошь завалена сухими деревьями, заросла шиповником и густым мелким осинником. Стадо растянулось километра на два.

Витька, чтобы совсем не довести ногу, шел по лесу в сапогах и едва поспевал за коровами.

Старшой и Миша петляли по краю леса вдоль просекли, не давая стаду разбрестись

по сторонам. Передние коровы, не сдерживаемые никем, оторвались от погонщиков, шли быстро, безудержно.

На Петькиной стороне после непролазной чащобы открылась широкая свежая вырубка. Десятка три коров двинулись вглубь нее, хватая на ходу молодую осиновою поросль, растущую копами около похожих на столешницы пней.

Петька кричал на них до хрипа, хлестал прутом, но они никак не хотели покидать поляны – металась от него в стороны. На помощь ему прибежал Миша.

– Далеко ли этот лес идет? – спросил он старшего, когда вырубка была уже позади.

– Не знаю. Я досюда не доходил, – ответил Петька. – Надо бы вперед кому-то идти, сдерживать их. А то уйдут и не собрать будет – ишь, как чешут! Да и посева вдруг на пути попадутся. Леги-то нет, а то бы все в самый раз было.

Миша, не раздумывая и не дожидаясь указаний старшего, ринулся догонять идущих впереди коров. По лицу больно хлестали и царапали посохшие еловые ветки, под ногами хрустели валежины. Деревья редели, и вскоре оказался он на широком клеверном поле, на котором уже паслось около половины стада. Коровы разбрелись от края до края, жадно хватая густой и необветренный еще клевер.

“Будто знали, куда бежать. Не промахи”, – усмехнулся Миша и принялся неторопливо скучивать коров, сгонять их на краек поля к лесу, откуда напирал и напирал хвост растянувшегося вдоль просеки стада

– Должно быть, все здесь, – обрадовано сообщил он Петьке, когда тот появился на поле. – Они от такой травы никуда бы и не ушли. Смотри, какие брюхавицы набили, – Миша показал прутиком на стоящих неподалеку коров, которые уже не смотрели на густеющий молодой клевер и не опускали голов к земле. – Нахватались. Наверное, первыми сюда прилупили.

Петька застыл на месте. Его округлившиеся глаза стреляли туда-сюда.

– Дурной! – завопил он.

Его лицо в мгновение помрачнело. Он скинул рюкзак с плеч и отшвырнул его в сторону.

– Да они же обожрались! Сдохнут, заразы! Гонять надо! Гоняй, чего рот раззявил!

Он подскочил к пузатой, раздувшейся, будто громадная бочка, корове и стал безжалостно лупить ее по распертым бокам. Она тронулась с места, едва переставляя ноги, потом все-таки пошла побыстрее.

– Гоняй! Гоняй их! – не оборачиваясь, на все поле орал Петька. – К лесу! К лесу всех! Отравятся, заразы, объедятся!

Витька, хромая и всхлипывая от боли и досады, бегал от одного края к другому, отгоняя коров с клевера. А они рвались и рвались в поле, не страшась ни крика, ни прутков, неслись, словно одурелые.

Корова, которую неотступно преследовал Миша, вдруг замедлила бег, пошатнулась и завалилась на бок. Она судорожно дергала ногами и билась головой о землю...

– Петька-а-а! – пронесся над полем испуганный крик. – Корова упала! Чего делать? Ай...

– В деревню! В деревню беги за мужиками! Дорезать надо...

Миша, бросив подле коровы пиджак, в одной рубахе побежал к выставляющимся из-за темно-зеленого бугра крышам домов. Ноги путались в клевере. Он падал на четвереньки, поднимался и бежал снова, оглядываясь назад, на вспученную умирающую корову.

На взгорке появилась машина. Миша на ходу замахаля руками. Машина остановилась, а потом съездила по осклизшему откосу с дороги и подъехала к бьющейся в судорогах корове.

– Нож есть? – спросил рыжеусый мужик.

– Складенчик только...

– Топор у меня под сиденьем!.. – выпалил шофер.

– Острый?

– Вчера точили.

– Давай сюда, покуда совсем концы не отдала!

Усатый, широко расставив ноги, поплевал на ладони, и топор на миг застыл в воздухе. Сверкнуло на восходящем солнце лезвие. Удар. Чавкнуло, хрустнуло, захрипело. Потом еще: чавк! Хрясть! Забулькала кровь. Не выпуская из рук топора, мужик откатил ногой рогатую голову от окровавленной и все еще дергающейся туши.

Большие коровьи глаза остекленело смотрели на лес, туда, где, почуяв неладное, коровы метлами задирали хвосты, фыркали и скребли копытами землю.

– Давай твой складник! – скомандовал усатый. – Да беги, стадо подальше отгоняй. Ошалеют они от запаха крови и кишки друг дружке навывают.

Миша с дрожью в руках едва отыскал в кармане ножик и подал его усатому.

– Чего стоишь, как остопок! – Мужик уставился на него. – Убирайте их подальше да за остальными смотрите. А то мяса надеетесь – всем хана будет!

Витька, исхлестав до основания пруттик, колошматил взбесившихся коров сапогами, бегал за ними босой.

Коровы с покрасневшими глазами одичало металась по краю поля, бросались одна на другую, но, когда на помощь подоспел Миша, стадо стало медленно отступать к лесу, успокоилось.

Петька обошел коров с боку, остановился на краю подступающего к полю березняка и взобрался на высокий, одиноко стоящий пенек. Он приложил ладонь ко лбу, усталым и суровым взглядом всматривался в проходящих мимо коров и был похож на генерала, принимающего парад изрядно потрепанного, но не побежденного войска.

С пенька его сдуло, словно ветром. Он замелькал среди коров. Ребята настороженно остановились, тревожно переглянулись: “Неужто еще?..”

Из стада, широко расставляя узловатые ноги, выбежала черная с пестринами корова. Она будто искала спасения от вихрем налетевшего Петьки, бросилась им навстречу. Бежала она все медленнее и медленнее, а потом вскинула голову и рухнула к ногам ошарашенного Витьки.

– Дяденька! Дяденька! – завизжал он, будто под ножом. – Дяденька, помогите!

Миша, выпустив из рук остаток исхлестанного в мочалку прутка, пытался поднять тяжело дышавшую корову, но она только пыхтела, вытягивая упругую жилистую шею.

К ним, грузно переваливаясь с ноги на ногу, спешил усатый. Вновь мелькнуло лезвие и мягко вошло по самый обух...

Стадо ушло в лес. Его настигли и остановили на вырубке. Коровы лежали. Петька

обошел вокруг и направился в поле.

Туши были уже освежены.

– Как остальные? – спросил усатый, вытирая о траву окровавленный складник.

– Улеглись.

– Тогда поехали мы. И так столько времени из-за ваших падин потеряли, – выразил неудовольствие шофер. – Пошли, Степаныч!

– А мясо куда? Что мы с ним делать будем? – растерянно проговорил Петька, впервые попавший в такую переделку.

– У вас старшой есть, пусть он и решает. Тебе-то чего? Он у вас где? Забытыливает, наверное?

– Я старший...

– Ты? – удивился шофер. – И таких сопляков одних отпустили?..

– Вот что, старшой, – вступил в разговор усатый. – Если заплатишь, так и быть – увезем и сдадим на мясокомбинат. А нет, то какой нам резон машину гонять, с мысом кожкаться, пичкаться?

– Много надо – червонца хватит? – спросил он шофера.

– Конечно. Чего их обдирать!

Втроем погрузили разрубленные напополам туши, подстелив под них свежие шкуры. Сверху мясо накрыли куском брезента.

– Старшой, – повернулся к Петьке усатый, – ручка да бумага найдутся. Расписку надо оформить, чтобы все было чикибрики, чтобы несурза никакого не произошло.

Петька пошарил по карманам – ни ручки, ни бумаги не было.

– Что ж ты так? А еще старший! – Усатый хитро усмехнулся и вытащил из нагрудного кармана блокнот. – Я в двух экземплярах, чтобы и у тебя, и у нас по документу было. Как твоя фамилия, имя, отчество?

Петька назвал.

– На, прочти и подпиши.

Петька взял листок. Там размашисто, но вполне разборчиво было написано: “Расписка. Мною, бригадиром колхоза “Рассвет” Сидоровым Алексеем Семеновичем, приняты от старшего гуртоправа Горшкова Петра Сергеевича две коровьи туши, две головы и потроха. Приняты и шкуры. За доставку и разгрузку мяса гуртоправ оплатил десять рублей наличными”.

Ниже стояла неразборчивая, почти во весь листок, подпись. Рядом с ней Петька старательно вывел свою фамилию и для пущей важности размашисто подчеркнул.

– Вы шибко-то не гоните, а то забрызгает грязью и не примут еще, – пряча в карман расписку, попросил он усатого.

– Не расстраивайся! Все будет как надо! – ответили ему из кабины. – Бумага у тебя есть, а остальное – за нами.

Петька подождал, пока машина не выехала на дорогу, довольный тем, что очень кстати подвернулись и эта машина, и мужики, а то бы им одним труба была с обьевшими коровами. “Жалко, конечно, что отравились, но их все равно бы через пару дней на мясокомбинате зарезали...”

Возвращаясь к стаду, он еще раз прочел расписку: все в ней понятно, все ладно – не подкопаешься. И подписи, главное, есть...

По вершинам деревьев порывом пронесся ветер, погоняя опускающиеся тучи, готовые вот-вот пролиться дождем.

Коровы, уломавшись на поле, продолжали лежать. Из-за пней и кустов выставались только рога. Петька вновь обошел стадо, внимательно оглядел каждую корову.

– Подымать надо, – сказал он пригнорившимся погонщикам. – Дорогой пойдем. Просекой их теперь не удержать будет. Хватили раз клевера и попрут теперь.

Дождь застал их в пути. Холодный, порывистый.

Витька шлепал по середине дороги, утопая босыми ногами в жидкой и скользкой грязи. Сапоги он перевязал ивовой корой и приладил к рюкзаку.

Пронизываемые ветром, гонимые дождем, коровы шли по дороге след в след. Погонщики не перекликались и не переговаривались. До деревни, где предстояло заночевать, оставалось совсем немного. Сквозь пелену дождя уже видны были крайние дома. Вдруг Витька ойкнул и с выражением боли на лице присел, поджимая под себя ногу.

В одно мгновение рядом с ним оказался Миша.

– Что с тобой?

Витька ничего не ответил, он только морщился и крутил головой.

– Везет же тебе, – хмыкнул Миша, увидев торчащую из подошвы Витькиной

ноги ржавую железку. – Глубоко?

– Н-н-не знаю...

Миша тронул железку – то ли кусок проволоки, то ли большой гвоздь. Она едва шевельнулась. Витька взвыл и растянулся от боли, а потом до скрипа стиснул зубы.

– Т-т-тяни. Терпеть б-б-буду...

Миша рванул железку.

– У-у-ух! – от боли филином ухнул Витька.

Он уперся руками в дорожную жижу, встал на ноги и, почти не приступая пораненной ногой, поплелся по обочине дороги – грязи там было меньше.

В деревне их уже ждали: однорукий дед Александр и бойкая, не знающая покоя хозяйка его Анисья.

– Ой, парень! – Она всплеснула жилистыми руками, осмотрев Витькину ногу. – Как бы плохо не было. Заражение может пойти. У нас, чур дикого слова, у мужика одного ногу в больнице отпазгнули. А из-за чего? Тоже, кажись, из-за пустяшной царапины. Тросом чуть-чуть царапнуло, а оно и пошло, заражение-то...

– Не тараторь лишнего! – предупредил дед Александр. – Видишь, человек мучается, а ты ля-ля разводишь. Не балабол, говорю, помочь надо.

Анисья промыла рану теплой водой с мылом, облепила свежим свекольным листом и забинтовала ногу материей от распоротой по такому случаю простыни.

– Ведь как на грех и бинтов в запасе не имеем, – как бы извиняясь, проговорила Анисья. – А я тебе, милок, таблеточку дам сонную. Ляг, полежи, поспишь и полегчает. Сон-то лучше лекарства всякого. Но в больницу тебе, парень, надо.

– Его с такой ногой домой отправить бы. – Дед Александр поморщился.

– Какой из него ходок! Да и до города – не на беседки сходить – еще верст двадцать будет.

– На лошади доеду, – перебил его Витька, укладываясь на широкой дедовой кровати.

– Смотри, парень, дело – твое, но опасно это – ржа все-таки, не простая занозина. На ней только какой заразы не бывает, – сочувственно проговорил дед. – Ты бы, Анисья, – обратился он к жене, – накормила мужиков. С дороги, чай, голодные да холодные. А я по деревне баб соберу, не

мужицкое это дело – коров доить. Верно говорю?

Погонщики дружно кивнули. Промокшим до нитки и продрогшим от внезапно наступившей прохлады им не очень-то хотелось выходить из теплой избы.

Под окном оживилось – зазвенели тонкие женские голоса, забрякали пустые ведра. Дед Александр важно ходил в загоне и, оглядывая по-хозяйски скотину, указывал набежавшим бабам, каких коров надо доить в первую очередь.

Анисья накрыла стол, отнесла Витьке чашку с супом прямо в кровать и тоже вышла на улицу. Баб в деревне было немного.

– Ешьте, не стесняйтесь, – бросила она с порога. – Весь суп доедайте. Мы с дедом и чайком перебьемся, не устали.

– Ну, как путь – дороженька? – поинтересовался дед Александр, вернувшись в избу, и, когда узнал, что двух коров утром пришлось прирезать, нахмурил брови. – А мясо куда дели? Неужто в поле оставили?

– На мясокомбинат увезли. Из вашего колхоза как раз машина проходила, – не переставая работать ложкой, ответил Петька (суп у бабушки был очень наваристым, вкусным). – И бригадир там был, расписку нам написал...

– Ну-ко, покажись!

Дед Александр развернул бумажку и покачал головой.

– Филькина это грамота, а не расписка.

– Почему? С подписями же...

– Все равно филькина. Липовая. И бригадир – тоже не бригадир, а проходимец какой-то. Такого Сидорова не только в нашем колхозе нету, так и во всем районе. Я же раньше председателем был в колхозе – весь народ кругом хорошо знаю. Обвели вас, дураков, вокруг пальца, а вы и поверили!..

У Петьки от неожиданности отвисла губа. Из ложки выпал и шлепнулся на пол кусок мяса.

Коровы были подоены. Анисья убрала со стола. Погонщики укладывались спать. Под окном заурчала и остановилась машина. Постучали в окно.

– Грутовщики здесь?

– А где им еще быть? Здесь, – ответил дед.

– Деша им от начальства.

Дед отворил окошко и передал Петьке записку. Там знакомым уже почерком было написано: “Нашел ли ты их? График не меняется – попробуй опоздать!.. Сдашь гурт – позвони. Да скажи им: который у них убежал – дома. И смотри, чтоб эти не сбежали. И сам лишку не лопай...”.

– Так это не мне.

– Кому же? – спросил задремавший, было, Миша.

– Безменову.

– А он где?

– У нас должен быть, если ему написано. Может, утром приедет. Давайте спать, – предложил Петька, а сам долго-долго не мог уснуть. “Неужели и взаправду меня обманули эти мужики? Нет, нет, не должно быть...”

Утро было серое, морозное, зябкое. Первою из загона вывели лошадь, привязали к изгороди и вместе с дедом Александром усадили на нее Витьку.

Анисья, чтобы у Витьки не намочило дождем ногу, надела на нее полиэтиленовый пакет, туго-натуго перетянула его бечевкой. Сунула Витьке на дорогу каких-то таблеток в спичечный коробок.

– Как не будет терпения-то от боли, так и принимай. Съешь таблеточку и полегчает. Горькие, конечно, но ты уж как-нибудь пересиливай себя. Хорошо они помогают.

– А, может, тебя и в самом деле домой отправить? – спросил Петька, выводя лошадь на дорогу. – Безменов должен появиться, да завтра уже сдадим и – домой.

В ответ Витька дернул поводьями.

– Выпускай коров! Поехали!

Лошадь, несколько дней томившаяся в загоне, кружилась на месте, приплясывала, неудержимо рвалась вперед.

Хозяева проводили их за деревню.

– Ох, парни, – сжалась Анисья, – погода-то, как назло, экая дождевая...

– Ну! – одернул ее дед Александр. – Дождя бояться – с гуртом не ходить. А этот, с ногой-то пораненной, ни в какую от них не отстает. Герой – парень! Настырный...

Потеплело, но морось никак не унималась – сеяла и сеяла. Витька лихим кавалеристом носился вдоль дороги, не давая коровам улизнуть в поле или кусты, сдержи-

вал впереди идущих, Петька и Миша шагали в хвосте стада.

Дошли до реки, сгуртили коров в низине. Запалили костер. Коровы разбрелись по лугу, по широкой песчаной косе. Погонщики распарили на огне пропитанные маслом олады, что приготовила им в дорогу Ани-сья и тайком сунула в Витькин рюкзак. Запивали их молоком – дед Александр настоял, чтобы они хоть по пол-литре, да взяли с собой: все-таки не вода – сытнее.

Сквозь посветлевшие тучи начало пробиваться солнце.

– Ты побудешь здесь, – предложили Витьке, а мы искупаемся, одежку прополощем – пыли да грязи вон сколько было. А завтра – город.

После прохладного дождя вода казалась парным молоком. Выходить из реки не хотелось. Они вдоволь поплавали в тихом заливе с ровным каменистым дном, прополоскали на стремнине одежду. Витька не вытерпел и тоже пригарцевал на лошади по песчаной косе. Потом все вместе вышли на берег, развесили над костром штаны и рубахи.

– Смотрите, – верховой показал на другой берег, – костер дымит. И палатка там.

– Рыбаки, наверно, из города, – предложил Петька. – Их тут в выходные бывает тьма-тьмушая – все берега, как муравьище, облеплены. Или туристы...

– Нет, – продолжал всматриваться Витька, – баба там ходит, и мелюзга какая-то возле нее крутится.

Петька не вытерпел и отвернулся от костра: из соснового бора спускалась к реке женщина с ведром, а за ней, как утята за уткой, семенило пятеро или шестеро мал мала меньше.

– Это же цыгане! Вон и телега ихняя стоит... Если сюда придут, не связываться, а то они так нагадают... – Он пошарил рукой за пазухой – тут ли деньги? – Облапошат – и глазом не моргнешь, не заметишь.

Цыганка, зайдя по колено в воду, почерпнула ведро и вновь поднялась по крутому берегу. За ней – вся черноголовая и босоногая ватага. Навстречу им вышел цыган. Он подхватил в одну руку самого маленького цыганенка, в другую – ведро.

Костер возле палатки стал гореть ярче, дым легким ветерком расстилало вниз по реке.

Из-за поворота послышался ровный звук мотора. Он приближался, становился громче, отчетливее.

– Катер шпарит, – знающе пояснил Петька.

– Ой! В жизни катеров не видал! – выпалил Витька. – Разве они здесь ходят?

– И я! – эхом отозвался Миша. – Пойдем смотреть!

– Катер как катер – ничего особенного, – равнодушно заметил Петька, но все же вслед за ними поплелся на берег реки.

Вдоль песчаной косы на противоположном берегу вихрилась пенистая волна. Вынырнул из-за кустов и сам катер. Течение на середине реки было быстрое, с водоворотами, но он, оказавшись на самой стремнине, ничуть не сбавил хода, а лишь затарахтел быстрее, громче. Волны серебристой пеной разбивались о берега.

– Силища! – восхитился Миша. – Прокатиться бы...

Петька с прежним равнодушием проводил катер за поворот. Его вновь начали одолевать сомнения: “А вдруг дед Александр и в самом деле прав? Вдруг его, простака деревенского, объегирили? Но ведь бумагу дали и расписались...”

Он медленно шел вдоль излучины реки, заложив руки за спину. “Сейчас пересчитать надо. На мосту Витьку поставлю и пусть счет ведет. А если обсчитается, пропустит какую? Нет, лучше самому...” Его нагнал всадник.

– У Мишки, – с горькой улыбкой сказал восседающий верхом Витька, – штаны сгорели...

– Как сгорели? Совсем?

– Нет, не совсем. Но еще немного – одна бы опушка осталась.

Миша стоял у костра в трусах и чуть не плакал: штаны были новые, в них даже в школу всего два раза сходил, а остались одни лохмотья.

– Ну-ка, напяль, посмотрим, – сказал ему Петька. – Ну и пугало из тебя получилось, как у деда Евсея на огороде.

Левая штанина протлела до колена, правая – еще выше. Вместо кармана – продолговатая с изгибами дыра, через которую виднелось загорелое тело.

– Тебе бы так, – насунился Миша. – Ты виноват, ты придумал полоскать да сушить...

– Ладно, нюни не распускай! На катер меньше глазеть надо было, а то нашел невидаль, – огрызнулся Петька и, словно бы извиняясь за свои слова, добавил: – Завтра в городе купим. Посмотрим по деньгам – должно сколько-то остаться...

– Может, у цыган попросить? – предложил Витька, покачивая перевязанной ногой. – Им же все дают. Найдут, может, какие задрипаные, чтобы только до города дойти...

– Нашел у кого просить.

Коров Петька пересчитал сам – они были все, кроме тех трех. У него перед глазами вновь проплыли картины вчерашнего дня: бьющиеся в судорогах коровы, усатый с топором, заляпанный грязью грузовик, расписка... “Не должны обмануть. Не должны...”

За мостом на дорогу гурьбой вывалили цыганята. “Один, два, три... восемь, – сосчитал их ехавший верхом Витька. – И все как один похожи...”

Чувствуя на себе их завистливые взгляды, он проезжал мимо с гордо поднятой головой. Цыганята залепетали что-то по-своему, метров сто пробежали вслед за ним и отстали.

Миша, стесняясь своего вида, продирался кустами и канавами вдоль дороги, вытюривая наверх отбивающих от гурта коров.

Дорога стала шире. Машины по ней сновали беспрестанно. Витька первым увидел город. Сначала показались густые дымы, трубы, потом в серой дымке стали вырисовываться большие белые дома.

– Город! Вот он – близко! – обрадовано воскликнул Витька.

– Где? – отозвался снизу Миша и, забыв про свои штаны-лохмотья выскочил на дорогу, чуть не угодив под легковушку. Шофер обернулся и пригрозил ему кулаком.

– Где? Не вижу, – переспросил Миша.

– Давай ко мне!

Миша взобрался на лошадь.

Город приближался. Приближался медленно. Большой, таинственный.

– Считай, приехали! – закрывая ворота, заключил Петька. – Здесь переночуем, завтра попасем, сладим и – на самолет, домой полетим. Только бы в городе не заплу-

тать завтра, если Безменов не прикатит. Пошли в дом!

Он помог Витьке спешиться и завел лошадь в загон. Вошли в дом. Там было накурено, пахло водкой и кошками. За столом сидели двое – изрядно захмелевший Безменов и молодая полупьяная баба с густыми растрепанными волосами. Увидев вошедших, она сдвинула свалившиеся пряди со лба и пробормотала:

– Смотри, Толя, никак твои подоспели? А ты, дурачок, это... горевал.

– А-а-а, – протянул Безменов, увидев остановившихся у двери погонщиков, – пришли, пришли, дорогие! Чего пригорюнились? Проходите, хвастайте – все ли у вас чередом?

Ребята потянулись к дивану.

“Гуртоправ тоже! – Петька посмотрел на него исподлобья. – О коровах спрашивает, а сам даже в окно не глянул...”

– Одну, значит, у вас коровку тю-тю – прибрали к рукам... Сказывал, сказывал тот парнишка. Не бедуйте, мужики: найдут, не найдут – спишут. Не такое бывало. А огороды вы здорово уделали – жалоба за жалобой к начальнику, только отбрыкиваться успевают.

– Да ты угости, угости их! – Женщина двинула по столу початую бутылку водки. – С дороги они – вон какие уставшие, хмурые.

– Не пьем мы, – ответил за всех Петька.

– Тогда хоть колбаски поешьте, – не отставала она, отгоняя роящихся над столом мух.

– Не вешайте, мужики, носы, – снова начал Безменов. – Корова – туда, корова – сюда. Бывало, по десятку теряли, а вы... вы – молодцы. А то ведь как, Катеринка, бывает? – Он повернулся к сидящей рядом. – Полями, лесами гонишь. А в лесу кто живет?

– Волки, Толенька, волки, – ответила она, кривляясь.

– Правильно, Катерина, они самые. Серые, хищные. И они тоже жрать хотят. Вот и кушают. Разве за всей скотиной усмотришь? А теперь к делу, мужики! Где сопроводительная? Денег сколько осталось?

Петька покорно подал ему сопроводительные документы и отошавший сверток с трешницами.

Сопроводительные бумаги Безменов, не глядя, отложил на краешек стола и, слюнявя пальцы, принялся пересчитывать купюры.

– Ничего себе – сэкономили! А я думал, вы все на ветер пустили. Молодцы. – Он отсчитал несколько купюр и протянул Петьке. – Это вам на самолет. Еще трояк на мороженое. Хватит? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Хватит, а то с мороженого и заболеть надолго, горлышко простудить. Катеринке за постой надо? Надо. А остальное я пока себе беру. Мы с ней сейчас в город поедем – дело там у нас неотложное есть. А вы располагайтесь, будьте как дома. Этак, Катеринка?

Хозяйка согласно кивнула, налила Безменову полную стопку, половинку – себе.

– Штаны бы Мише купить, – осмелился Петька, глядя, как беззастенчиво Безменов складывает в карман деньги. – У костра сушили, вон что получилось.

– Штаны как штаны, – мельком глянув на Мишу, отшутился Безменов. – Ему свататься, что ли? Али дома последние взял? Есть, наверное.

Миша сидел молча, прикрывая прогоревшие места.

Безменов и хозяйка выпили, забрали с собой остаток водки, заткнув бутылку скрученным клочком бумаги, и ушли на автобусную остановку.

У Витьки вновь заныла нога. Он принял таблетку и вскоре задремал на жестком деревянном диване, подогнув под себя здоровую ногу. Петька накрыл его своим пиджаком и вышел на улицу.

В загоне среди коров уже пестрело от платков и косынок: бабы, сбежавшиеся со всей городской окраины, доили коров, переливали молоко в бидоны и поспешно выходили на дорогу, пытаясь остановить каждую попутную машину, чтобы скорее поспать в город.

Миша сидел в избе и смотрел сквозь стекло на высокие многоэтажные дома, которые сказочными великанами приступали почти к самой деревне. Его страшил завтрашний день: в таких штанах да по городу...

– Выйди-ка! – Петька постукал в окно.

Миша неохотно вышел. У крыльца стоял худощавый невысокий цыган и держал за поводья тяжело дышащую лошадь.

– У меня дети, – горячо объяснял он, размахивая руками и обнажая желтые зубы. – У меня их восемь. Лошадь старая – вот-вот помрет. Телегу пустую – и то еле тянет. Обменяйте, а? Вам же все равно сдавать, – раскланивался он перед Петькой. – Все равно резать будут...

– Чего делать? – нерешительно спросил Петька.

Миша пожал плечами.

– Сменяй! Детей моих пожалейте! Как мы без лошади? – умолял его цыган, готовый валяться в ногах у обоих.

– Может, Безменова подождать? – не подымая глаз на цыгана, предложил Миша.

– Да он эту лошадь и в глаза не выдывал! Тут нам самим решать надо, – ответил Петька и неожиданно рубанул воздух ладонью. – Ладно, ставь свою в загон, а нашу – забирай! Один черт – завтра на колбасу переделают...

Цыган безмерно обрадовался и поспешил в загон, боясь видимо, чтобы не передумали. Потом он раскланился перед Петькой и ловко вскочил на лошадь.

– Эх! – спохватился Петька. – Прошляпили. Надо было денег у зего в придачу попросить – тебе на штаны. Он бы, как пить дать, выложил. И ты тоже промолчал, недодумался.

– Какие у него деньги? – возразил Миша. – Ты видел цыганят? У них у каждого такая же одежонка, как у меня штаны.

– Ну, пусть ездят, – махнул рукой Петька. – Она еще вроде бы ничего. Витька вон как на ней выгарцовывал. А эту сдадим – ищ, какая дохлятина, ноги едва представляет. Нам-то какая разница. Только Безменову ни гу-гу – пусть не знает, – предупредил Петька и привязал цыганскую лошадь в загоне.

Туманился вечер. Тихий, безветренный. Разноцветными, многочисленными точками пробивались сквозь седую пелену мерцающие огни города.

К утру погода переменилась. Миша спал напротив окна и проснулся от яркого, слепящего солнца. Петьки в избе не было. Он сидел на крыльце.

– Чего не спишь? – окликнул его Миша, посмотрев на часы. Была половина шестого.

– Лошадь пропала.

– Как пропала? Сдохла, что ли?

– Да нет, не сдохла. То ли сама убежала, то ли цыган обратно увел. Одна узда на заборе осталась. Я уже и к мосту ездил, где цыгане вчера стояли.

– И чего?

– А ничего. Никого там уже нет, только угольки в костре чуть теплятся...

Вскоре на автобусе приехали Безменов и Катерина. От них плотно разлило перегаром.

– Лошадь убежала, – сразу же сообщил Петька. – Вот, только уздечка осталась.

– Ну и пусть. У нас в бумагах она не числится, значит, с нас взятки гладки. Завтракать сейчас вас Катерина приготовит, потом в город валийте – походите, посмотрите... Не бывали, наверно? А ты чего на одной ноге скачешь? – уставился на Витьку.

– Позавчера на дороге проколол...

– Ну вот, – живее заговорил Безменов, – тем более в город надо: в больницу его сводить, в аэропорт можно отвезти, чего ему с нами хромывать – и без него справимся. Друзья у меня сейчас на машине подкатят – свозят вас туда и обратно. А я тут и без вас справлюсь. Катеринка еще подможет. Поезжайте, отдохайте...

К дому подрулила машина – “летучка”. Безменов долго разговаривал на улице с шофером, поглядывая то на окна, то на мычавших в загоне коров.

– Машина подана! Обо всем договорился – и в больницу свозит, и до аэродрома добросит... Поезжайте!

– Не поеду я! – возразил ему Миша. – Куда я в таких лохмотьях?

– Давай не разговаривай! Его, – указал он на Витьку, – в больницу надо везти, а ты другу своему помочь не хочешь. Город-то видал?

– Нет.

– А рассусоливаешь! Да кто тебя в городе знает и ты – кого? Еще в машине поедешь. Кто на тебя глаз бросит?... А сам все увидишь. Дуй в машину, дурак!

– А и в самом деле, – согласился с Безменовым Петька, – поехали!.. Кто там

тебя знает? Хоть Витьке поможем, на самолет проводим. Куда он без нас?

Шофер довез их до больницы и обещал скоро вернуться. Но машины долго не было.

Витька дождался своей очереди и сходил к врачу.

– Ну и что сделали? Что сказали?

– Резали. Загноилось.

– Больно было?

– Еще как! И дома велели в больницу сходить, перевязку сделать.

– А мы, – спешил обрадовать его Петька, – вот что купили!

Он вынул из-под полы пиджака бутылку.

– Зачем это? – Витька округлил глаза.

– Это не себе. Дед один Мише наказывал. Говорит, не пивал ни разу коньяка. Вот и купили. А на сдачу – мороженого. Бери, – протянул он Витьке два прохладных стаканчика, – бери, мы свое уже съели.

– Вкусное?

– Очень!

– А где машина?

Петька пожал плечами: велено, мол, здесь ждать, подьедет.

Пришла она почти через час. Витьку завезли в аэропорт и оставили там. Он ни в какую не соглашался улететь один – без Миши и Петьки.

– Я буду ждать вас. Вместе полетим.

Петляя улицами и переулками, машина выехала из города, вернулись к стаду. Коровы уже ходили за деревней, выедавая до самых корней густо посыпанную солью осоку.

Навстречу машине вышел из-за кустов Безменов.

– Как дела? – спросил он шофера, не обращая внимания на высыпавших из кузова погонщиков.

– Комар носа не подточит!

– А я что говорил? Давай, – обернулся он наконец к ребятам, – закругляй их и – в город погнали. Бегите, а мне еще кой о чем поговорить надо. Отдохнули – пора и работать!

Вошли в город. Миша сначала стеснялся, прятался от прохожих за коровами, а потом осмелел, привык – шел прямо по тротуару, забегал в тесные переулки, выгоняя оттуда забредших коров.

Около мясокомбината их догнала все та же "летучка", просигналила Безменову и остановилась в стороне от высоких входных ворот. Коров погнали по узкому огороженному проходу на весы.

– Слышь, – подошел к Петьке Безменов, – бери-ка документы обратно. Сейчас коров пересчитают, взвешают, оформляй все, подписывай и – можете домой дуть. Аэропорт сами теперь найдете. А меня машина ждет. Видишь, сигналият?

Безменов сунул ему в руки бумаги и торопливо зашагал к машине.

Коровы пошли через весы. Петька пересчитывал их вместе с длинноногой комбинатовской девицей.

"...Сто сорок пять, сто сорок шесть. Сейчас будет последняя..." Но она не появлялась перед весами. Не было ее и в загоне.

Он выскочил на улицу, осмотрелся по сторонам и вернулся ни с чем.

– Значит, так и пишем: четырех коров нет, – сказали ему в конторе. – Видать, отстали где-то. Не найдут – могут на ваш счет повесить. Смотреть надо было лучше, ребята.

"Почему четырех?" – Никак не укладывалось в голове у Петьки. Но спорить с мясокомбинатовскими было бесполезно – сам же считал.

– А позавчера вам не сдали двух наших коров? Сидоров должен был привезти. Их дорогой прирезали...

– Какой Сидоров?

Петька достал расписку и прочел ее вслух. Женщина, сидевшая за столом, попошилась в одной папке, в другой...

– Такой фамилии у нас ни в одном документе не проходит. Не сдали, значит. Привезут, может... Хотя вряд ли – мясо уже скиснуть должно.

– До свиданья, – тихо проговорил Петька, сгреб выписанные ему бумаги и понуро вышел на улицу. Ему было обидно до слез: обманули-таки, обдурили...

На автобусе они доехали до рынка. Народу там – как в улье. Кричат, торгуются, бродят туда-сюда, семечками поплевают. Мишу вновь взяла робость. Он прикрыл голые коленки рюкзаком и остановился около небольшого ларька, наблюдая за Петькой. Тот щукой нырял в толпу, мелькал у прилавков, потом Миша потерял его из виду.

Появился Петька внезапно – будто из-под земли вырос.

– В том углу, – показал он рукой, – бабка, горбатенькая такая, штаны продает за трешник. Пойди, прикинь – вдруг подойдет. Ношенные, правда.

Петька пересчитал оставшиеся деньги и протянул Мише трешницу.

– Беги, куда никто не перебил...

Миша засеменил по рынку, стараясь идти там, где многолюднее, чтобы никто не заметил его лохмотья. Но до указанного Петькой места не дошел – остановился около широкого, низкого столика, на котором были аккуратно разложены пышные букеты.

Он приблизился к столику вплотную. Старушка, стоящая по другую сторону, недоверчиво передвинула цветы ближе к себе.

– Сколько? – спросил Миша, показывая пальцем на букет, который показался ему самым красивым.

– Чего сколько? – не сразу сообразила старушка, придирчиво оглядывая парня.

– Стоит сколько?

– Три рубля.

Миша, не торгуясь, вручил ей трешницу и торжественно направился с букетом к выходу – там должен был ждать его Петька.

Они встретились. Увидев цветы, Петька раскрыл рот. Он хотел что-то сказать, но не успел: нахлынула, закружила толпа. Их оттеснили за стоящие возле забора киоски, окружили со всех сторон.

– С цветами? И куда? – Перед Мишей встал высокий, широкоплечий парень. – Да еще в таком шикарном наряде!..

Во рту у него дымилась сигарета, длинные волосы сползли на плечи.

– Ку-у-упил...

– А-а-а, – насмешливо протянул верзила, – подарить хочешь кому-то. Ну так подари. Вот ему! – Он показал на стоящего за его плечами крепыша. – У него сегодня день рождения. Дари, а то я ждать не люблю! И он – тоже...

Миша стоял, не зная, что делать. Рука с букетом медленно опустилась и непроизвольно поплыла за спину. Боль он почувствовал не сразу. В глазах вспыхнули радужные круги, мелькнуло скалящееся лицо длинноволосого. Миша попытался встать на ноги, закрывая ладонью разбитый нос,

но тут же острая боль ударила в грудь. Он опрокинулся навзничь.

– Что же ты наделал? – Длинноволосый склонился над ним, попыхивая сигаретой. – Цветочки пожалел. День рождения у человека, испортил настроение. А теперь они не нужны ему. Саяя, растопчи-ка их!..

Из-за его спины протиснулся крепыш. Он наступил на букет, покрутился на нем и отфутболил под забор.

Петька, стиснув зубы, набросился на длинноволосого обидчика. Но его тут же схватили за руки, скрутили.

– А ты чего ерепенишься? Может, тоже что-нибудь подарить хочешь? Может, денжат подбросишь? На именины...

– Нет! Нет у меня ничего! – Петька попытался вырваться.

– Врет! Врет он! – высунулся сбоку курчавый сорванец. – Я видел! У него в кармане, в пиджаке...

– А мы проверим!

От неожиданного и резкого удара Петька охнул и согнулся в три погибели. Чьи-то руки уже шарили, выворачивая карманы наизнанку. И снова пронзила боль, не стало хватать воздуха. Он, ломая кусты, свалился на землю, а когда очнулся, вокруг никого не было, кроме Миши. Тот стоял у забора, сплевывая кровавые сгустки.

– Рюкзак хоть не забрали, – хлюпая носом, проговорил Миша. – А то бы и коньяк унесли... мазурики. – Вспомнилось ему словцо деда Евсея.

Витька ожидал в аэропорту и готовился встретить их радостной вестью: пассажиров мало – не надо занимать очередь. И самолеты летают один за другим. Но, увидев их, переменился в лице.

– Чего с вами?

– Подрались, – ответил Петька, прикрывая рукой заплывший синевой глаз. – На базаре...

– А коров сдали?

– Сдали.

– За билетами надо идти – только что объявили, что продают. Там никакой очереди. Идите.

– У нас денег нет, – мрачно ответил Петька. – Отняли.

– А как домой попадем?

– Искать надо. Пошли, Мишка, может, кого из наших встретим.

Они, громыхая сапогами по кафельному полу, подошли к кассам. Знакомых никого не было. Потом Петька увидел женщину, которую когда-то встречал в райцентре, и обратился к ней. Просить деньги было очень стыдно, но он все-таки осмелился.

– Помочь не могу. Из отпуска еду – все на дорогу да на гостинцы потратила. Один рубль остался...

В дверях показался мужчина непомерно высокого роста – в костюме, при галстукке. Он стал рассматривать расписание полетов.

– Дяденька, помогите нам...

Рослый глянул на них свысока.

– Из приемника, что ли, тягу дали? Тогда бегите отсюда – милиционер сзади идет. Снова уволочут... А червонец дать, так я не милиционер. Много вас таких шляется. Топайте, пока не заграбастали.

Они обернулись – милиционер уже был в дверях.

– Что за оборванцы? Откуда? Куда? – сыпанул он градом вопросов.

Петька начал сбивчиво объяснять, но милиционер подхватил их под руки и повел куда-то.

– И этот с вами? – кивнул он на Витьку. – Топай за мной!

Петька еще раз пояснил, что они гуртовщики, назвал всех троих, начальника Заготскота...

– А мы сейчас проверим. – Милиционер испытующе посмотрел на них и взял трубку телефона. – Может, вы лапшу мне на уши вешаете... Дежурный! Тут бы проверить кой-что надо...

Он перечислил фамилии погонщиков, сказал, откуда гурт.

– Натворили что-нибудь? – прозвеноло в трубке.

– Да нет, по аэропорту шляются – вид как у беглецов-беспризорников. Денег, говорят, на обратную дорогу нет. Звякни-ка туда, а Заготскот, а я их здесь придержу...

– Так, так... – Положив трубку, милиционер снова посмотрел на них. – Скотину, значит, гнали, а в конце дороги поколотили вас и деньги отняли?..

Он замолчал, забарабанил пальцами по столу.

Звонка все не было. А со стороны касс из динамиков доносился приглушенный

голос, объявляя о продаже билетов и отправке самолетов...

Миша не выдержал. Он развязал рюкзак и дрожащим голосом заговорил:

– Товарищ милиционер, купите коньяк! За десять рублей. Нам хватит. У меня...

Он подошел к милиционеру и поставил перед ним бутылку.

– Купите, а?

– Так ты пьешь, что ли?

– Нет, – краснея, ответил Миша. – Дед Евсей заказывал. Не пивал, говорит, ни разу... Купите.

– Вот паролод! – рассмеялся милиционер, рассматривая бутылку. – Лишь бы от меня отделаться, что ли? Да ведь нехорошо получается: дед, значит, ждет-не дождется, а внук – купил, да и не довезет, продаст... А коньяк-то хороший.

Телефон разразился длинным пронзительным звоном.

– Так это ваши? – заговорил в трубку милиционер. – А я их за шпану беспризорную принял. Так, так. А где ваш старший? – обратился он к ребятам, прикрыв трубку ладонью. – Из Заготскота спрашивают.

Петька пожал плечами.

– Не знают они, – громко ответил милиционер. – Хорошо, сейчас отправим. Только с деньгами не тяните. Сегодня же пришлете?... Хорошо, вылетают.

Он проводил погонщиков к кассе и постучал в зашторенное окошечко.

– Маркеловна! Выпиши этим оборванцам три билета. Деньги за них сегодня же обещали прислать...

– Спасибо, – облегченно выдохнул Петька, принимая из рук кассирши билеты на самолет.

– Коньяк, смотри, не разбей! – Милиционер улыбнулся Мише. – Не предлагай больше никому, а то дед, наверно, уже заждался. Эх, вы, гуртовщики!..

Дул боковой ветер. Самолет летел низко. Его бросало из стороны в сторону. Скрипели жесткие откидные сиденья, посылочные ящики в хвосте самолета метались туда-сюда, мотор завывал то громче, то тише.

Петька сидел с открытыми глазами. Его подташнивало, и он держал наготове пакет. Откуда-то издали, сквозь шум мотора слышался ему голос Безменова, который повторял: “А в лесу кто живет? А в лесу кто живет?” – “Волки. Волки. Волки”, – отвечал женский голос.

Миша не отрывался от иллюминатора. Внизу широкой лентой промелькнула река, потом – клеверное поле, над которым совсем близко от самолета кружило воронье, растаскивая и расклеивая коровью требуху, а вот – домик с загоном и примыкающий к нему молодой непролазный лес...

Клуб он увидел издали. А затем и дом, в котором у своей бабушки гостила Нина-горожанка. Миша прилип к самому стеклу. Там, внизу, среди зеленеющих грядок, стояла она в том же самом цветном платье и, запрокинув голову, смотрела на низко летящий кукурузник...

УЛЫБКИ ПЕРВОЦВЕТА

Александр Оськин

Лауреат конференции «Молодость. Творчество. Современность» в 1998 г.

ПЕРСПЕКТИВА

Р а с с к а з

Сплю. Звонок. Явно межгород.

– Да-а.

– Это номер...?

– Да-а.

– Мы, очевидно, разбудили Вас?

– Да-а.

– С Вами будет говорить президент компании “Парамаунт Пикчерс”. Вы владеете английским?

– Да-а? То есть – нет!! Я не понял...

Щелчок.

– Здравствуйте уважаемый господин...! Мы хотели бы обсудить возможность съемки полнометражного фильма по Вашему сценарию. Конечно же с небольшим расширением сюжета, вводом большего числа действующих лиц и спецэффектов. Хотите быть сценаристом, режиссером и художником-постановщиком одновременно? Финансирование проекта может быть начато незамедлительно.

Пауза.

– Алло! Вы меня слышите? ...Алло!

– Дддд-а!!! Дайте мне номер Вашего факса и я вышлю Вам свой контракт.

– Это лишнее. Мы были уверены, что Вы согласитесь и выслали к Вам курьера с контрактом и небольшим задатком. Вы, русские, говорите – аванс,

да? А Вы сами не могли бы приехать сюда? У нас прекрасная натура! Номер в гостинице уже заказан, портье предупрежден. Прошу быть в удобное для Вас время. До встречи!

– До встречи!

Так и пошло – полгода пишу, полгода снимаю. Восемь Оскаров за три года. Уже в книге Гиннеса. Своя студия, ученики, продюсеры, слава, роскошный дом, самолет, женщины...

Тут я обычно просыпаюсь.

Нет! Сплю дальше. Выхожу из своего парижского дома и попадаю под автоматные очереди террористов. Охрана закрывает меня телами. Террористы пойманы, лежат на земле, а на меня сыпется поток луидоров, дублонов, пиастров и прочей мелочи из разбитого выстрелами фасада виллы. Потом, с особыми предосторожностями, вытащили бриллиант размером с конскую голову. Его позднее так и назвали – “Конская голова”. Мучался с ним три года – все хвалят, глаза закатывают, языком цокают, дочерей в жены предлагают, а покупать не хотят почему-то. Пришлось поменяться с Казахстаном на Байконур. Решено – хочу собственный космический город! Заверните!

Вперед! В космос! Звезды зовут!...

Кто изобрел будильник?

Расстрелять гада!!

Первоцвет № 2

Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель:

Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина

Главный редактор А.С. Стародубцева

**Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина и
редакционная коллегия альманаха
«Первоцвет» сердечно благодарят
оперативную мини-типографию «На Чехова» за
спонсорскую помощь в издании альманаха,
понимание и поддержку.**

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати.

Адрес редакции: Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: 27-07-93

Тираж 250 экз.
Заказ №33/1
Цена свободная

Отпечатано в мини-типографии "На Чехова"
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел. (3952) 27-33-56
Лицензия ПЛД №40-37